

801-85
12114-7 -

С. ТУХОЛКА

ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВѢ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ВЪ XV—XVII ВѢКАХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

С 26
62

С. ТУХОЛКА

ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВѢ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ВЪ XV—XVII ВѢКАХЪ

7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

18824-0

2010515604

Типографія А. С. Суворина Зртелевъ пер., д. 13

ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВѢ въ Западной Европѣ въ XV—XVII вѣкахъ.

Я считаю небезынтереснымъ сдѣлать краткій очеркъ преслѣдованія въ Европѣ колдовства, такъ какъ здѣсь мы видимъ примѣръ удивительнаго заблужденія чело-вѣческаго разсудка, доходящаго подъ вліяніемъ фанатизма до явныхъ нелѣпостей.

Какъ извѣстно, начало преслѣдованію колдовства, какъ такового, положила знаменитая булла папы Иннокентія VIII *Summis desiderantes affectibus*, изданная въ 1484 г.

И до того времени власти преслѣдовали колдуновъ, но эти преслѣдованія были направлены главнымъ образомъ противъ дѣйствительныхъ преступленій, совершенныхъ колдуномъ.

При этомъ свѣтскія власти не безъ скептицизма относились къ установленію связи между несчастьями какого-нибудь лица и заклинаніями колдуна.

Но булла Иннокентія VIII усталила, какъ непреложный фактъ, что колдуны имѣютъ магическую власть причинять смерть и болѣзни людей и животныхъ, вызывать градъ, пожары и другія бѣдствія, лишать мужчинъ половой силы и прочее.

Кромѣ того, булла говоритъ и прямо о ереси колдуновъ и объ ихъ отреченіи отъ Бога и Св. Троицы, а также о половыхъ сношеніяхъ колдуновъ и колдуній съ дьяволомъ (суккубами и инкубами).

Эта булла подтверждаетъ и расширяетъ данныя монахамъ-инквизиторамъ Инститору и Шпренгеру полномочія искоренять ересь и колдовство въ Германіи и предписываетъ всѣмъ свѣтскимъ властямъ и судамъ признавать авторитетъ этихъ инквизиторовъ.

Черезъ пять лѣтъ послѣ этой буллы Шпренгеръ издалъ свое знаменитое руководство къ преслѣдованію колдуній «*malleus maleficarum*.»

Колдуномъ признается согласно инквизитору Nider тотъ, кто дѣлаетъ зло, или не соблюдаетъ своей вѣры; а не соблюдать своей вѣры значило быть еретикомъ, и посему эти два понятія—колдовство и ересь—часто смѣшивались и считались дополняющими другъ друга.

Wodin въ своей *Démonomanie* приписываетъ колдунамъ слѣдующія преступленія: оскорбленіе Бога, богохульство, поклоненіе дьяволу, посвященіе дьяволу своихъ дѣтей и, даже принесеніе ему ихъ въ жертву, пропаганду въ честь сатаны, клятву во имя и честь дьявола, кровосмѣшеніе, убійство съ цѣлью добыть части тѣла, необходимыя для приготовленія разныхъ снадобій на шабашъ, антропофагію во время шабаша, употребленіе ядовъ и колдовскихъ напитковъ, заговоръ на животныхъ, заговоръ на уничтоженіе жатвы и, наконецъ, совокупленіе съ дьяволомъ.

Но въ процессахъ о колдовствѣ обвиненія главнымъ образомъ касались заключенія договора съ дьяволомъ, посѣщенія шабаша и отреченія отъ Бога.

Процедура суда противъ колдуновъ поражаетъ своею жестокостью, несправедливостью и нелѣпостью.

Она исходитъ изъ мысли, что колдовство есть исключительное преступленіе, *crimen excerptum et atrocissimum*, и потому противъ него допустимы всѣ мѣры.

Въ прежнее время власти начинали преслѣдованіе противъ кого-нибудь обыкновенно только по жалобѣ потерпѣвшаго. Но уже при Людовикѣ IX во Франціи было введено правило, что судьи сами должны разслѣдовать преступленія.

А въ духовномъ мірѣ еще при папѣ Иннокентіи III были введены тайныя наблюденія и разслѣдованіе жизни духовенства черезъ особыхъ лицъ, называемыхъ инквизиторами.

Однимъ изъ средствъ для разслѣдованія являлся доносъ.

Сначала доносъ носилъ болѣе публичный характеръ, при чемъ и обвинитель, и доносчикъ подвергались наказанію въ случаѣ недоказательства ихъ обвиненій.

Но въ процессахъ о колдовствѣ не только доносчиковъ объявляли безнаказанными, но поощряли даже анонимные доносы.

Такъ прибывшіе въ какой-нибудь городъ инквизиторы въ церкви объявляли народу о своемъ намѣреніи преслѣдовать колдуновъ и подъ страхомъ отлученія требовали отъ каждаго донести все, что онъ знаетъ подозрительнаго о своихъ сосѣдахъ.

А демонологъ Bodin рекомендуетъ и для Франціи похвальный шотландскій обычай, называемый «Indict», и состоящій въ томъ, что въ церкви выставлены закрытыя ящики для доносовъ.

Ранѣе основаніемъ всякаго судебного преслѣдованія были свидѣтельскія показанія, но инквизиторы понимали трудность найти свидѣтелей касательно сношенія колдуна съ дьяволомъ. И поэтому для возбужденія преслѣдованія по обвиненію въ колдовствѣ считалось достаточнымъ имѣть подозрѣніе, основанное на доносѣ или на разныхъ указаніяхъ, а потомъ уже самъ обвиняемый сознавался въ колдовствѣ.

Понятно, кромѣ маньяковъ, никто не сознавался добровольно, ибо это сознаніе вело прямой дорогой къ костру; но здѣсь на помощь инквизиторамъ выступала пытка, въ сравненіи съ которой и самая смерть являлась облегченіемъ.

Всякая мелочь могла служить основаніемъ къ преслѣдованію колдуна и давать поводъ къ подозрѣнію.

Тотъ, кто не донесетъ на колдуна, былъ подъ подозрѣніемъ, но и тотъ, кто доносилъ слишкомъ усердно, возбуждалъ подозрѣніе, ибо онъ дѣлалъ это, по мнѣнію Дель-Ріо, съ цѣлью отвлечь отъ себя вниманіе.

Небрежность въ исполненіи обязанностей или слишкомъ большая набожность были одинаково подозрительны.

Вообще-же женщины считались болѣе склонными къ колдовству, чѣмъ мужчины.

Между другими причинами Шпренгеръ объясняетъ это тѣмъ, что женщины чувственнѣе и жививѣ, нежели мужчины, ибо, говоритъ онъ, женщина была создана изъ ребра человѣка, а такъ какъ ребро это было кривое, то женщина склонна ко лжи. И затѣмъ, онъ прибавляетъ, что *Femina* (женщина) происходитъ отъ словъ *fe* (по-испански вѣра) и *minus* (менѣе), что

льво-де указываетъ на ея меньшую твердость въ вѣрѣ.

Если одна женщина скажетъ другой: «смотри у меня» или «ты за это заплатишься», или что-нибудь въ этомъ родѣ, то она уже достойна подозрѣнія; но если послѣ этого у второй женщины случится какое-нибудь несчастіе (болѣзнь ея или семейныхъ, смерть домашняго животнаго, или уменьшеніе молока у коровы), то доказательство колдовства налицо.

Если женщина тронетъ ребенка или корову, она—подозрительна, но если тѣ заболѣютъ, то она колдунья.

Если она долго гуляетъ по берегу озера или рѣки, то это подозрительно, но если вскорѣ послѣ этого будетъ градъ или дождь, то виновность ея—несомнѣнна.

Привязанность къ собакамъ и ея ласки тоже подозрительны. Такъ, современники утверждали, что черная собака, всюду слѣдовавшая за Корнелиемъ Агриппой, была самымъ дьяволомъ.

Но держать у себя черную кошку было понятно еще опаснѣе, ибо всякому извѣстно, что это любимое животное колдуній.

Согласно демонологамъ, для осужденія колдуньи достаточно малѣйшаго подозрѣнія. Такъ какъ колдовство совершается ночью и тайнѣ, то по отношенію къ нему обыкновенная процедура—непримѣнима, говоритъ de Lancre, а Del Rio поясняетъ, что несправедливо добиваться очевидности въ преступленіи, самый характеръ коего не допускаетъ ея.

De Lancre признаетъ, что при такихъ условіяхъ иногда можно осудить и невиннаго, но, по его мнѣ-

нiю, это не имѣетъ значенiя въ сравненiи съ освобожденiемъ хотя бы одного колдуна, который потомъ-де совратить или повергнетъ въ несчастiе сотни людей.

Къ тому же демонологи считали себя орудiями Бога, и потому Богъ самъ-де уже разберется въ томъ, кто изъ сожженныхъ виновенъ или нѣтъ, при чемъ невинные будутъ вознаграждены райскимъ блаженствомъ.

Хотя свидѣтели, какъ мы видимъ, не были обязательны въ процессѣ о колдовствѣ, но судьи все-таки охотно къ нимъ прибѣгали.

Шпренгеръ совѣтуетъ имѣть не менѣе трехъ свидѣтелей, но онъ весьма нетребователенъ по отношенiю къ ихъ характеру. Въ дѣлахъ о колдовствѣ всѣ принимаются въ свидѣтели: и родственники, и слуги, и преступники, и даже отлученные отъ церкви, но при одномъ условiи—если они показываютъ противъ, а не за обвиняемаго.

Кромѣ того не рекомендуется допрашивать свидѣтелей передъ обвиняемой (развѣ только они сами этого пожелаютъ). Вообще же не слѣдуетъ сообщать колдунѣ даже именъ лицъ, показывающихъ противъ нея, ибо она можетъ отомстить имъ.

Обвиняемая не имѣетъ права выбирать себѣ адвоката, но судья можетъ назначить ей такового. Однако Шпренгеръ совѣтуетъ воздерживаться отъ этого, особенно молодымъ и неопытнымъ судьямъ, объясняя это тѣмъ, что адвокатъ легко можетъ смутить ихъ своими доводами.

Однимъ словомъ, въ этихъ процессахъ дѣлалось все, чтобы отнять у обвиняемыхъ всякую возмож-

ность оправдаться, и чтобы побудить судью непременно высказаться за осужденіе.

Шпренгеръ предостерегаетъ судей и противъ жадности къ обвиняемымъ. Колдунью, говоритъ онъ, надо всегда вводить въ залу суда спиной къ судьямъ, ибо «если она первая взглянетъ въ глаза судьи, то, вслѣдствіе ея чаръ, сердце судьи проникается жалостью и онъ не находитъ въ ней никакой вины. Но если судья запасется освященной солью и сдѣлаетъ знаменіе креста, то, мужественно дѣйствуя противъ колдуньи, онъ можетъ надѣяться сломить силу змѣя»!

Въ своихъ пыткахъ инквизиторы были весьма изобрѣтательны, и видя, съ какой жестокостью они мучили несчастныхъ женщинъ и съ какими хитростями старались вырвать у нихъ признаніе—можно думать, что именно они, а не ихъ жертвы, были слугами и помощниками дьявола.

Еще до пытки колдунью обыкновенно подвергали мучительной операціи отысканія стигмата дьявола.

По общему вѣрованію, на шабашѣ дьяволъ касался каждаго вновь прибывшаго, при чемъ мѣсто прикосновенія дьявола дѣлалось нечувствительнымъ къ боли.

Для отысканія этого стигмата паціенту завязывали глаза и вонзали ему въ голое тѣло длинныя иглы. Если онъ не чувствовалъ укола, то стигматъ считался найденнымъ, и обвиняемый былъ потерянъ. По словамъ демонологовъ это былъ самый вѣрный признакъ колдовства.

Иногда судьи, дабы вѣрнѣе погубить обвиняемаго, прибѣгали къ хитростямъ и только для вида касались его, не втыкая иголку въ тѣло; но иногда у обвиняемыхъ и дѣйствительно бывала мѣстная анестезія, тѣмъ болѣе, что многія женщины, арестованныя за колдовство, были суевѣрны и истеричны.

Передъ пыткой колдунью обыкновенно до-нага раздѣвали и тщательно состригали на ея тѣлѣ все волосы, дабы легче найти такъ называемый талисманъ молчанія, т. е. кусочекъ бумаги съ какой-нибудь надписью.

Демонологи утверждали, что пока колдунья имѣетъ на себѣ этотъ талисманъ, она — нечувствительна къ мученіямъ и никогда не сдѣлаетъ признанія.

Нѣкоторыя женщины, которыя и сами считали себя колдуньями, дѣйствительно запасались такими талисманами и, возможно, что, благодаря самовнушенію, иногда онѣ не чувствовали боли.

Наиболѣе употребительныя пытки были слѣдующія:

1) *Эстрапада, или дыба*. Пациенту закручивали руки назадъ и, привязавъ ихъ къ веревкѣ, на блокѣ поднимали его на воздухъ. Такъ какъ вся тяжесть тѣла падала на руки, то часто послѣднія выскакивали изъ суставовъ и по окончаніи пытки ихъ приходилось вправлять на мѣсто.

Для увеличенія мученій къ ногамъ пытаемаго подвязывали тяжести, или встряхивали веревку, сначала подтянувъ ее кверху, а потомъ разомъ отпуская ее. На веревкѣ пытаемаго держали до полчаса и болѣе.

Иногда его стегали при этомъ бичами или жгли подъ ногами угли и сѣру.

2) *Пытка водой*. Пациента раскладывали на спинѣ и, крѣпко привязавъ его и раскрывъ его ротъ, вливали въ него при обыкновенной пыткѣ четыре пинты, а при чрезвычайной—восемь пинтъ воды. Животъ пытаемаго вздувался и мученія были невыносимы.

3) *Испанскіе сапоги* (brodequins). Пациенту крѣпко стискивали ноги между досками и вбивали между ногами и досками клинья, при обыкновенной пыткѣ четыре, а при чрезвычайной восемь. Эти клинья не только сдирали кожу съ ногъ, но иногда раздробляли и кость. Другой родъ brodequins были сапоги изъ дерева, которые сжимались на винтѣ и страшно жали ноги.

4) *Напалечники* (poucettes) желѣзные напалечники, которые надѣвали на большой палецъ и съ помощью винта все болѣе сжимали ихъ, доводя пытку иногда до раздробленія кости пальца.

5) *Пытка огнемъ*: пациенту жгли сѣру подъ мышками, между пальцами ногъ, и такъ далѣе, или поджигали пятки на раскаленныхъ угольяхъ, или захватывали мясо раскаленными щипцами.

При этомъ были разныя приспособленія: напримеръ, желѣзное кресло, на которое привязывали пациента и постепенно нагревали сидѣніе.

6) *Карканъ*, или ошейникъ съ острыми гвоздями, прикрѣпленный на столбѣ, къ которому привязывали пациента, введя ему шею въ карканъ. Затѣмъ ему поджигали ступни угольями, и онъ начиналъ танцовать на мѣстѣ, но при каждомъ движеніи гвозди вонзались ему въ тѣло.

7) *Кобыла* (le chevalet), это были двѣ доски, сложенные подъ острымъ угломъ и укрѣпленные на двухъ

подставкахъ такъ, что верхняя ихъ сторона была острой. На эту кобылу пытаемую сажали верхомъ и привязывали къ ея ногамъ тяжести, вслѣдствіе чего острый край дерева медленно, но вѣрно входилъ въ ея тѣло.

Въ 1647 году Марія Карлье, 13-и лѣтъ, была продержана на кобылѣ нѣсколько часовъ, и палачи три раза прибавляли тяжести къ ея ногамъ прежде, чѣмъ вынудили у нея сознаніе.

Въ Авиньонѣ, городѣ папъ, употребляли еще слѣдующую пытку, занесенную туда изъ Рима. Въ тепло нагрѣтую комнату, посрединѣ которой была устроена остроконечная пирамида, вводили до нага раздѣтаго пациента и усаживали его на самый верхъ пирамиды; такъ какъ руки и ноги его были подтянуты веревками, то вся тяжесть тѣла падала на конецъ пирамиды, который далеко входилъ въ тѣло. Обыкновенно пытаемый лишался чувствъ отъ невыносимой боли, но тогда его заботливо приводили въ себя и снова подвергали этому роду сажанія на колъ.

Но вообще пытка разнообразилась до безконечности, дѣлая честь изобрѣтательности судей-палачей.

Пытаемаго обливали горячей смолой, вырывали ему ногти, втыкали подъ ногти острые иглы и т. д. И это повторялось до тѣхъ поръ, пока въ пациентѣ оставалось хоть немного сознанія и чувствительности.

По правиламъ пытку позволялось примѣнять одинъ разъ и въ теченіе $\frac{1}{4}$ часа. Возобновлять ее можно было лишь при появленіи новыхъ доказательствъ виновности колдуньи, но демонологи обходили это правило благодаря чисто іезуитскому различію, а именно: всякая новая пытка, хотя бы и на другой день, считалась

не возобновленіемъ или повтореніемъ, а лишь продолженіемъ первой пытки.

Честь этого казуистическаго обхода принадлежитъ Шпренгеру, который говоритъ въ «*Malleus maleficarum*»: *quod si nec sic (questionata) poterit ad veritatem induci, tunc pro secunda aut tertia die questionanda ad continuandum tormenta non ad iterandum quia iterari non debent nisi nova supervenissent indicia*»

Благодаря этому *distinguo*, пытку возобновляли даже до 50 разъ; обыкновенно пытали до сознанія, или до смерти.

По словамъ Bodin, никоимъ образомъ не слѣдуетъ избѣгать примѣненія пытки, которая - де прекрасно дѣйствуетъ на молодыхъ дѣвушекъ, на дѣтей, на женщинъ и вообще на нѣженокъ.

Но, пожалуй, еще хуже пытки было заключеніе въ то время въ тюрьмѣ.

Для колдуновъ иногда устраивали особыя тюрьмы въ массивныхъ башняхъ или въ подземельяхъ.

Тамъ заключенныхъ приковывали къ стѣнѣ или къ бревнамъ, или продѣвали имъ руки и ноги въ отверстіе въ доскахъ, такъ что они не могли двинуть ни однимъ членомъ. Иныхъ всовывали въ ящики въ родѣ конуръ для собакъ, гдѣ нельзя было ни сѣсть, ни встать, другихъ сажали въ глубокія ямы, куда ихъ опускали на веревкѣ. Тамъ сидѣли они въ грязи и въ холодѣ, иногда не будучи въ состояніи защитить себя ни отъ червей, ни отъ крысъ.

И такимъ образомъ невинныхъ людей на основаніи одного подозрѣнія держали мѣсяцы и годы.

Иные сходили съ ума или выходили оттуда калѣками, другіе совсѣмъ падали духомъ и готовы были

звести на себя всякія небылицы, только бы поскорѣе покончить смертью.

Близъ села Линдгеймъ въ Великомъ Герцогствѣ Гессенскомъ—доселѣ сохраняются развалины такъ-называемой башни колдуній. Башня эта круглая, внутренній діаметръ 17 футовъ, высота 36 футовъ, толщина стѣнъ $4\frac{1}{2}$ фута.

Эта башня служила не только для заключенія колдуній, но также для ихъ пытки или казни, при чемъ ихъ мучили съ особой жестокостью, а именно: во внутренней стѣнѣ башни была сдѣлана ниша въ два фута глубиной и шириной, идущая отъ пола на 15 футовъ вверхъ. Тамъ въ стѣну были вдѣланы короткія цѣпи съ кольцами для рукъ. На этихъ цѣпяхъ подвѣшивали колдунью, а снизу разлагали костеръ и такимъ образомъ ее попомногу прокапчивали и поджаривали, при чемъ смерть заставляла долго себя ждать и наступала послѣ ужасныхъ мученій.

И эта башня функционировала менѣе, чѣмъ четыре вѣка тому назадъ.

Всѣ старанія судей были направлены на то, чтобы вырвать у обвиняемой признаніе, которое являлось главнымъ основаніемъ для осужденія и служило къ оправданію и самихъ судей, которыхъ иначе могли бы обвинить въ легкомысленномъ преданіи пытокъ невинныхъ.

Впрочемъ, если пытаемый, несмотря на всѣ мученія, не сознавался въ колдовствѣ, то и это не спасало его отъ осужденія. Наоборотъ, въ этомъ случаѣ, какъ закоренѣлый грѣшникъ, онъ почти всегда сжигался живымъ, тогда какъ въ случаѣ признанія и раскаянія иногда судьи присуждали его сначала къ

удушенію или повѣшенію и, лишь послѣ этого, къ сожженію его тѣла на кострѣ.

По мнѣнію Voguet, въ дѣлахъ о колдовствѣ осужденіе возможно и на основаніи только указаній, предположеній и подозрѣній.

Если же нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ противъ обвиняемаго, то, по мнѣнію Voguet, его надо осудить на изгнаніе изъ страны, но никогда не оправдывать вполне.

Вообще, какъ-бы ни держалъ себя обвиняемый во время пытки и допроса, все служило къ его осужденію.

Если онъ держитъ глаза опущенными, то это отъ признанія своей вины; если онъ смотритъ прямо въ глаза судьямъ, то это признакъ дерзости, свойственной колдуну, ибо онъ увѣренъ въ помощи дьявола.

Согласно Шпренгеру, допросъ колдуньи слѣдуетъ вести слѣдующимъ образомъ: сначала у нея спросятъ: кто она и откуда? (если она часто мѣняла мѣстожительство, то это важное доказательство противъ нея). Живы-ли ея родители, и если умерли, то не были ли они казнены за колдовство?

(Въ послѣднемъ случаѣ обвиняемал, по мнѣнію демонологовъ, навѣрно, и сама—колдунья, ибо извѣстно-де, что всѣ колдуньи посвящаютъ своихъ дѣтей дьяволу). Затѣмъ обвиняемую спросятъ, слышала-ли она что-нибудь о колдуньяхъ и объ ихъ чарахъ и знала-ли какую-нибудь изъ нихъ. Если она была знакома съ колдуньями, то и это—важное доказательство противъ нея, но если она скажетъ, что ничего о колдовствѣ не слышала, то судья спроситъ ее, вѣритъ-ли она вообще въ существованіе колдуній и

въ ихъ власть вызывать градъ и дождь, наводить болѣзнь и проч.

Обыкновенно, замѣчаетъ Шпренгеръ, колдунья на всѣ эти вопросы сначала отзывается полнымъ незнаемъ, но это-то и дѣлаетъ ее подозрительной; тогда ее спросятъ: «стало-быть, вы думаете, что лица, сожженные за колдовство, были осуждены невинно?»

Между тѣмъ, согласно *malleus maleficarum*, добрый католикъ долженъ вѣровать:

1) что дьяволъ и колдуны существуютъ, 2) что существуютъ дьяволы инкубы и вѣдьмы суккубы, которые могутъ зачать и родить, 3) что колдуны могутъ магическими дѣйствіями вредить человѣку, животнымъ и даже хлѣбу на поляхъ, что они могутъ возбуждать въ человѣкѣ любовь и ненависть и дѣлать мужчину безсильнымъ, и что они могутъ превращаться и превращать другихъ въ животныхъ (оборотни). Такимъ образомъ, отзываясь незнаемъ этихъ вещей, обвиняемая рисковала быть осужденной за ересь, что тоже считалось колдовствомъ, а признавая эти вещи, она давала судѣ поводъ къ требованію новыхъ подробностей.

Въ случаѣ упорства колдуньи ей угрожаютъ пыткой и показываютъ ей орудія пытки; если же она продолжаетъ упорствовать, то немедленно приступаютъ и къ самой пыткѣ.

Но передъ этимъ судья говоритъ ей: «такъ какъ по разнымъ указаніямъ и свидѣтельствамъ мы уже убѣдились въ твоей виновности, то теперь мы рѣшили добиться истины также и изъ твоихъ собственныхъ устъ. Посему признайся добровольно» и т. д. (*Practica criminalis ad sancte administrandam justiciam in ordine Fratrum Minorum S. Francisci*).

Но разъ судьи уже увѣрены въ виновности колдуны, то зачѣмъ-бы кажется еще ея собственное признаніе?

Чтобы легче добиться признанія виновной, демонологи совѣтуютъ заранѣе сказать ей хотя-бы и ложно, что ея соучастницы уже сознались во всемъ и обвинили ее.

Судья можетъ также обѣщать колдунѣ жизнь, въ случаѣ признанія, но понятно это не помѣшаетъ ему послать ее на костеръ, ибо «обѣщанія, данныя еретикамъ и колдунамъ, не имѣютъ значенія».

Но такъ какъ въ этихъ процессахъ все построено на лицемеріи, то демонологи стараются найти разные, якобы законные, обходы для неисполненія даннаго колдунѣ обѣщанія сохранить ей жизнь.

Такъ, одни говорятъ, что ее можно оставить въ живыхъ въ тюрьмѣ лишь на нѣкоторое время, а потомъ все-таки сжечь; другіе говорятъ, что для произнесенія смертнаго приговора судья можетъ замѣнить себя другимъ судьей.

Согласно іезуиту Del Rio, можно обѣщать колдунѣ жизнь въ случаѣ ея признанія, но при этомъ подразумѣвать жизнь вѣчную, которую она можетъ заслужить терпѣніемъ въ мученіяхъ и искупленіемъ на кострѣ, и которая должна-де быть ей гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ земная жизнь.

Тотъ же Del Rio совѣтуетъ обѣщать колдуну хорошо кормить его до конца его дней и построить ему деревянный домъ, но подразумѣвая подъ концомъ дней смерть на кострѣ, а подъ домомъ деревянную клѣтку, въ коей его сожгутъ.

Затѣмъ демонологи совѣтуютъ оставить колдунью наединѣ съ адвокатомъ и спрятать за ширмами писца, дабы записать компрометирующія ея рѣчи; рекомендуется также подослать къ колдуньѣ въ тюрьму другую женщину, которая бы подъ видомъ дружбы выпытала у нея признаніе, а спрятанный рядомъ писецъ запишетъ слова колдуньи.

Однимъ словомъ, нѣтъ той низости, хитрости и жестокости, на которыя не пускались-бы инквизиторы для сожженія невинныхъ людей, якобы на основаніи закона.

Въ случаѣ упорства колдуньи, судья, согласно Шпренгеру, можетъ предложить ей испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ. «Она согласится», говоритъ Шпренгеръ, «ибо она знаетъ, что дьяволъ спасетъ ее отъ обжога, но тогда судья откажетъ ей въ этомъ испытаніи и упрекнетъ ее въ дерзости. При этомъ, именно согласіе колдуньи въ данномъ случаѣ явится лишнимъ противъ нея доказательствомъ».

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, каждое слово и каждое дѣйствіе несчастной обращается противъ нея.

Когда колдунья наконецъ сознается, что она приѣгала къ чарамъ и наносила вредъ людямъ и животнымъ, то судья спроситъ ее, сколько лѣтъ уже она состоитъ въ половомъ сношеніи съ дьяволомъ и давно ли отреклась отъ Христа.

Въ этихъ вещахъ, говоритъ Шпренгеръ, колдуньи никакъ не желаютъ сознаться, и потому о нихъ надо спрашивать въ концѣ.

Немудрено, что, понавъ въ цѣпкіе когти инквизиторовъ, несчастная жепщина, будучи нравственно

и физически измучена и уже искалѣчена пыткой, сознавалась во всемъ, чего хотѣли судьи.

Но и сознание не давалось легко, ибо судьи требовали подробностей и ихъ надо было выдумывать.

На шабашѣ онѣ, по ихъ словамъ, отрекались отъ вѣры и креста, оскверняли освященное причастіе (*l'hostie consacrée*), отдавались дьяволу, готовили разные порошки для колдовства, убивали и ѣли младенцевъ и прочее.

Въ доказательство несомнѣнности шабаша демонологи ссылались на аналогичность показаній тысячъ колдуній, но не надо забывать во-первыхъ, что обвиняемымъ оставалось лишь повторять подъ пыткой ходячіе рассказы о шабашѣ, а во-вторыхъ, что на это ихъ наводили и сами судьи своими вопросами.

Многіе судьи съ особенной любовью разспрашивали колдунью о разныхъ подробностяхъ оргій на шабашѣ.

Руководства къ процессамъ колдуній, напримѣръ Баденскій законъ 1588 года, даже прямо предписывали слѣдующіе вопросы: *An Diabolus post initum pactum cum rea concubuerit? Quonam modo Diabolus reae potuerit eripere virginitatem? Quale fuit membrum virile Diaboli, quale ejus semen? An concubitus cum Diabolo meliore et majore ream affecerit voluptate quam concubitus cum viro naturali? An et rea semen emisit? An Diabolus cum rea noctu pluries rem habuerit et semper cum seminis effluxione? Utrum rem cum reâ peregerit in ipso membro muliebri, an et in aliis corporis locis? An et ab aliis viris naturali ratione gravida facta? Quid cum partu fecerit? An vivus fuerit partus? Quomodo partum enecaverit?» и проч.*

Многія женщины, страдая истеріей и нимфоманіей, рассказывали на допросѣ самыя безстыдныя вещи, другія дѣлали это, чтобы понравиться судьямъ.

Даже явныя нелѣпости, рассказываемыя колдуньями, ничуть не смущали судей. Напримѣръ, пытаемая говорила, что она отрыла трупъ ребенка изъ могилы и отнесла его на шабашъ, гдѣ его частью съѣли, а частью превратили въ разныя снадобья для чаръ. Судьи дѣлають опытъ разрыть могилу и находятъ тамъ нетронутый трупъ ребенка, но они объясняютъ это тѣмъ, что дьяволъ снова положилъ трупъ ребенка въ могилу или навелъ на нихъ всѣхъ навожденіе.

Иногда колдунья обвиняла себя въ убійствѣ дѣтей, которыя были здоровы и живы, но и это не смущало судей.

Часто колдуньи говорили, что они улетали на шабашъ изъ тюрьмы, несмотря на цѣпи и сторожей, и судьи всему вѣрили, объясняя, что дьяволъ, унесъ колдунью на шабашъ, оставилъ на ея мѣстѣ лишь видимый ея образъ.

Но когда обвиняемая уже выдумала на себя все, что могла, мученія ея все-таки еще не кончалась.

Судьи справедливо полагали, что на шабашѣ колдуньи танцуютъ и пируютъ съ другими лицами, а не въ одиночку, и потому допрашивали пытаемую и насчетъ ея товарищей и подругъ по шабашу, кого она тамъ видѣла и что эти лица дѣлали.

Несчастная, дабы избавиться отъ новыхъ пытокъ, должна была оговаривать своихъ знакомыхъ или лицъ, коихъ ей подсказывали судьи, которые въ этомъ случаѣ часто руководились разными личными соображеніями.

Согласно Шпрепгеру, послѣ того какъ колдунья наконецъ созналась въ своихъ преступленіяхъ, за ней необходимо строго наблюдать и не оставлять ее одну, дабы она не могла сама убить себя.

Шпрепгеръ, однако, объясняетъ это стремленіе къ самоубійству не слѣдствіемъ вынесенныхъ мукъ и не желаніемъ избѣгнуть костра, а тѣмъ, что дьяволъ убѣждаетъ колдунью убить себя, дабы лишить церковь публичнаго триумфа надъ колдовствомъ. Тоже говоритъ и Bodin: «Дьяволъ поддерживаетъ упорство колдуній во злѣ и помогаетъ имъ убить себя».

Если только обвиняемая была признана виновной въ колдовствѣ, то ее почти всегда ожидала смерть. Лишь очень рѣдко во вниманіе къ ея раскаянію, она осуждалась на пожизненное заключеніе на хлѣбѣ и водѣ въ тюрьмахъ духовнаго вѣдомства.

Обыкновенной казнью было сожженіе на кострѣ живымъ или съ предварительнымъ удушеніемъ.

По мнѣнію Bodin колдовство заслуживаетъ смерть утопченную и постепенную (*une mort exquise et à petits cris*).

Ни полъ, ни возрастъ не смягчали сердце инквизиторовъ. Иногда на кострѣ сжигали дѣтей 10 лѣтъ и даже моложе.

Но до послѣдняго момента церковь дѣйствовала тутъ съ лицемѣріемъ. Прекрасно зная, что осужденіе за колдовство равносильно смертной казни, она однако не брала на себя приведенія казни въ исполненіе, а передавала осужденнаго въ руки свѣтской власти, прикидываясь при этомъ невѣдущей о послѣдствіяхъ своего осужденія.

Въ этомъ отношеніи очень характерны приговоры духовныхъ судовъ, которые обыкновенно писались по слѣдующему шаблону:

Указавъ съ какой нѣжной заботливостью и милосердіемъ судъ отнесся къ подсудимому (это послѣ пытки-то!), дабы спасти его душу отъ еретическихъ заблужденій, судъ говоритъ: нынѣ Божія церковь ничего болѣе не можетъ сдѣлать для тебя, и мы осуждаемъ тебя, какъ уличеннаго въ колдовствѣ, и передаемъ свѣтской власти. Мы, однако, настоятельно просимъ свѣтскую власть смягчить свой приговоръ и избавить тебя отъ пролитія крови и отъ смертной опасности.

Избавленіе отъ пролитія крови значило не отсѣкать осужденному голову, а сжечь его на кострѣ.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда противъ обвиняемаго былъ только явно пустой доносъ и когда 20—30 добрыхъ католиковъ ручались за него, то ему удавалось спастись путемъ публичнаго отреченія отъ приписываемыхъ ему колдовства и ереси, и исполненіемъ разныхъ епитимій.

Но этотъ человѣкъ послѣ былъ уже на подозрѣніи, и стоило кому-нибудь вторично донести на него, чтобы его осудили безо всякой пощады и почти безъ разсмотрѣнія дѣла.

Вообще судьи ничуть не задумывались надъ тѣмъ, что обвиненіе можетъ быть ложно, а признаніе вынуждено пыткой, или является плодомъ суевѣрія и умственнаго разстройства.

Лишь изрѣдка мужественные и разумные люди рѣшались возвысить голосъ противъ процедуры въ дѣлахъ о колдовствѣ, но ученые теологи немедленно

цѣлымъ хоромъ напускались на нихъ, обвиняя ихъ самихъ въ колдовствѣ.

Когда докторъ Jean Wier въ своихъ сочиненіяхъ «de Lamiis» и «Illusionset impostures du Diable» высказалъ мнѣніе, что колдуновъ надо не сжигать, а лечить, какъ людей умственно разстроенныхъ, то Bodin поспѣшилъ прибавить къ своей книгѣ Démoomanie:

«Опроверженіе мнѣній Жана Виръ», въ которомъ онъ говоритъ:

«Я отвѣчаю доктору Виръ не изъ злобы, по ради Славы Бога. Докторъ Виръ защищаетъ колдуновъ и называетъ палачами судей, которые осуждаютъ ихъ на смерть. Это меня крайне удивило, ибо такое мнѣніе можетъ исходить только отъ очень невѣжественнаго или отъ очень дурного человѣка. Но Жанъ Виръ доказываетъ своими сочиненіями, что онъ не невѣжда и даже, что онъ докторъ, а тѣмъ не менѣе онъ распространяетъ въ своихъ книгахъ достойную проклятiя колдовщину, которую я не могъ читать безъ ужаса».

Такъ какъ почти каждый вошедшій въ комнату пытки выходилъ изъ тюрьмы лишь на костеръ, и такъ какъ пытаемые, въ виду требованія судей указать кого они видѣли на шабашѣ, оговаривали десятки другихъ лицъ, то костеръ зажигался за костромъ и и скоро никто изъ жителей даннаго города не чувствовалъ себя въ безопасности.

Въ 1586 году въ двухъ селахъ провинціи Trèves (рядомъ съ Лотарингіей) осталось лишь двѣ женщины; всѣ остальные погибли на кострѣ, какъ колдуньи.

Въ 1589 году въ Кведлинбургѣ въ Саксоніи, городъ съ 11—12 тысячами обитателей, за одинъ день было сожжено 133 колдуньи.

Согласно запискѣ Claude de Musiel, отъ 18 января 1587 года до 18 ноября 1593 года въ окрестностяхъ города Trèves было казнено за колдовство 368 лицъ обоюго пола, не считая казней въ самомъ Тренѣ или совѣмъ близко отъ города.

Въ Вюрцбургскомъ княжествѣ (въ Бамбергскомъ архіепископствѣ въ Германіи) за время князя епископа Филиппа Адольфа фонъ-Эренбергъ, отъ 1627 до 1631 года, было казнено не менѣе 900 колдуновъ и колдуній.

Часто нотабли города, которые просили назначить судей для преслѣдованія у нихъ колдуновъ, кончали тѣмъ, что и сами попадали на костры.

Иногда пытаемые оговаривали и самихъ судей, утверждая, что они видѣли ихъ на шабашѣ и, хотя, понятно, судьи не примѣняли къ себѣ правилъ Maleus maleficarum о привлеченіи подозрительныхъ лицъ къ суду и пыткѣ, но все-таки это заставляло ихъ дѣлаться осмотрительнѣе.

Baissac со словъ Thomasius приводитъ слѣдующій анекдотъ. Одинъ германскій князь пригласилъ къ себѣ обѣдать одного монаха, извѣстнаго своею святостью и ученостью. За обѣдомъ князь высказалъ ему сомнѣніе, хорошо-ли онъ дѣлалъ, подвергая людей задержанію и пыткѣ лишь на основаніи показаній нѣсколькихъ лицъ, что ихъ видѣли на шабашѣ.

Но монахъ отвѣчалъ, что объ этомъ не стоитъ беспокоиться, Богъ самъ-де не допуститъ, чтобы невинные люди были подвергнуты пыткѣ, а потому разъ судья получилъ на кого доносъ, то долженъ немедленно его захватить.

Послѣ напрасныхъ попытокъ разубѣдить почтеннаго монаха, князь сказалъ ему: «я съ сожалѣніемъ долженъ сказать вамъ, отче, что вы осудили себя, ибо не менѣе 15 лицъ заявили подъ пыткой, что они были съ вами вмѣстѣ на шабашѣ, и дабы вы могли убѣдиться въ этомъ, я сейчасъ же прикажу вамъ принести протоколы суда».

Иногда женщинъ обвиняли въ колдовствѣ не только за причиненное ими зло, но и за добро, напримѣръ, за искусное леченіе болѣзней заговорами или травами. Не будучи въ состояніи объяснить излеченіе естественнымъ путемъ, судьи приписывали его дьяволу, допускали здѣсь явное противорѣчіе съ характеромъ дьявола, какъ злого духа.

Священническая одежда также не спасала отъ обвиненія въ колдовствѣ и не мало священниковъ погибло на кострѣ. Надо даже сказать, что монахи съ особеннымъ озлобленіемъ преслѣдовали бѣлое духовенство, которое составляло ему конкуренцію.

Въ 1546 году въ Испаніи была осуждена за колдовство аббесса монастыря св. Елизаветы въ Корду Madeleine de la Croix, которая въ продолженіе 40 лѣтъ пользовалась репутаціей святой, вела весьма строгій образъ жизни, имѣла экстагическія видѣнія и дѣлала вѣрныя предсказанія. Но во время процесса все это было объяснено дѣйствіемъ и помощью дьявола. Остается непонятнымъ только одно, зачѣмъ и почему дьяволъ помогалъ этой женщинѣ вести святой образъ жизни и подавать въ этомъ примѣръ всей Испаніи.

Для характеристики процессовъ о колдовствѣ приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Королевской библиотекѣ въ Бамбергѣ сохранилось любопытное и трогательное письмо погибшаго на костре бургомистра Жана Юніусъ, которое онъ написалъ изъ тюрьмы своей дочери Вероникѣ и которое повидимому было перехвачено.

Вотъ переводъ этого письма съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Добрый вечеръ сто тысячъ разъ, Вероника, моя дорогая дочь. Безъ вины я вошелъ въ тюрьму, безъ вины меня мучили, и безъ вины-же я долженъ умереть, ибо всякій, кто войдетъ въ этотъ домъ, по необходимости дѣлается колдуномъ. Его мучаютъ, пока онъ не выдумаетъ изъ своей головы что-нибудь, или пока Богъ не сжалится надъ нимъ. Я расскажу тебѣ, что со мной сдѣлали.

Первый разъ, какъ меня пытали, судьями были доктора (права или теологіи) Браунъ, Коцендорфъ и два чужихъ доктора.

Докторъ Браунъ сказалъ мнѣ: «Э, какъ вы сюда попали?» Я отвѣтилъ: «по ложному доносу, по несчастью». «Слушайте», сказалъ онъ, «вы—колдунъ, сознайтесь добровольно, а иначе васъ станутъ пытать, палачъ уже рядомъ съ вами». Я сказалъ: «я—не колдунъ и моя совѣсть спокойна, пусть войдутъ хоть тысяча свидѣтелей, я охотно выслушаю». Тогда мнѣ вывели доктора Адама Хаанъ, сына Георгія Хаанъ ¹⁾. Господинъ докторъ, сказалъ я ему, что знаете вы обо мнѣ? я никогда не имѣлъ съ вами никакого дѣла. Онъ мнѣ отвѣтилъ: я васъ видѣлъ на шабашѣ. Не-

---

¹⁾ Георгій Хаанъ былъ письмоводителемъ у епископа; и онъ, и его сынъ Адамъ были также сожжены.

ужели? Какимъ это образомъ! Онъ не зналъ. Я попросилъ судей допросить его подъ присягой, но докторъ Браунъ сказалъ: по вашей волѣ не будетъ сдѣлано, достаточно, что онъ васъ видѣлъ. Идите, г. докторъ. Я сказалъ: что же это за свидѣтель, господа? При такихъ условіяхъ вы столь-же мало въ безопасности, какъ я, и всякій почтенный человѣкъ. Но меня не слушали. Затѣмъ былъ выведенъ самъ Георгій Хаанъ. Онъ сказалъ, какъ и его сынъ, что видѣлъ меня, но что онъ не видѣлъ меня такимъ, каковъ я есмь. Затѣмъ была выведена Хопфенъ Эльза (поденщица, тоже арестованная) она-де видѣла меня въ Гауптсморскомъ лѣсу. Я спросилъ ее, какъ она меня видѣла. Она сказала, что не знаетъ. Тогда я во имя Бога просилъ судей убѣдиться, что это ложные свидѣтели и привести ихъ къ присягѣ, но они не хотѣли ничего слушать и сказали, чтобы я лучше сознался добровольно, а то палачъ живо принудитъ меня сознаться. Я отвѣтилъ: «я никогда не отрекался отъ Бога и теперь я не могу это сдѣлать; да поможетъ мнѣ Богъ, знающій мое сердце.

Тогда, увы, приблизился палачъ—да сжалится надо мной Господь,—онъ связалъ мнѣ руки и надѣлъ мнѣ напалечники. Кровь брызнула изъ-подъ ногтей и отовсюду. Четыре недѣли я не могъ пользоваться моими руками, да и теперь еле пишу, какъ ты видишь по почерку.

Я поручилъ себя Богу во имя Его пяти священныхъ ранъ и молилъ Его, такъ какъ дѣло шло о чести и имени Бога, отъ коего я никогда не отрекался, чтобы онъ явилъ всѣмъ мою невинность и вложилъ въ свои пять ранъ мою боль и страданіе, дабы я могъ ихъ вынести.

Затѣмъ мнѣ связали руки за спиной, втянули меня по лѣстницѣ и подняли на дыбу. Мнѣ показалось, что земля и небо проваливаются; три раза меня подтягивали вверхъ и три раза меня заставляли падать на землю; боль была ужасная. И при этомъ я былъ совсѣмъ голъ, такъ какъ меня совсѣмъ раздѣли.

Но нашъ Спаситель помогъ мнѣ и я имѣлъ силы сказать судьямъ: «Да проститъ васъ Богъ, что вы такъ мучаете невиннаго. Вы не только губите мое тѣло и душу, но заритесь и на мое имущество ¹⁾».

Докторъ Браунъ сказалъ:—ты негодяй.—Я отвѣтилъ:—я повсе не негодяй, я такой же честный человекъ, какъ и вы; но при такихъ порядкахъ въ Бамбергѣ скоро никто не будетъ въ безопасности, ни вы, ни кто другой.

Докторъ Браунъ отвѣтилъ, что дьяволъ не могъ соблазнить его. Я отвѣтилъ:—ни меня. Но дьяволъ—это ваши лжесвидѣтели и ваша пытка, ибо вы никого не выпускаете, хотя бы человекъ вынесъ всѣ мученія.

Это было въ пятницу 30-го іюня, что я долженъ былъ терпѣть пытку. За все это время я не могъ одѣться, ни пользоваться моими руками, не считая другихъ мученій, которыя я долженъ терпѣть безо всякой вины.

Когда палачъ послѣ пытки отвелъ меня въ тюрьму, то онъ сказалъ мнѣ:

— Ради Бога сознайтесь въ чемъ-нибудь, будь то истина или нѣтъ. Выдумайте что-нибудь, ибо вамъ не вынести мученій, которымъ васъ еще подвергнутъ;

---

¹⁾ Дѣло идетъ о конфискаціяхъ имуществъ осужденныхъ за колдовство въ пользу судей или мѣстнаго князя.

и хоть бы вы всё ихъ перенесли, вамъ все-таки не спастись, будь вы хоть графъ; одна пытка послѣдуетъ за другой, пока вы не признаете себя колдуномъ; безъ этого васъ не оставятъ въ покоѣ, какъ вы это видите изъ всѣхъ ихъ приговоровъ.

Затѣмъ пришелъ Жоржъ и также просилъ меня ради Бога выдумать что-нибудь на себя, ибо хотя и невинному мнѣ все равно не вырваться отсюда.

Чувствуя себя очень плохо, я просилъ день на размышленіе и прислать мнѣ священника. Мнѣ дали одинъ день, но отказали въ священникѣ.

Теперь, дорогая дочь, что думаешь ты объ опасности, въ которой я находился. Мнѣ приходилось сказать, что я — колдунъ, а я никогда имъ не былъ, и что я отрекся отъ Бога, а я никогда этого не дѣлалъ.

Наконецъ, я рѣшилъ, что лучше согрѣшить на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ и что отвѣтственность падетъ на тѣхъ, которые меня къ этому принудили.

И вотъ признаніе, которое я сдѣлалъ, но гдѣ нѣтъ ни слова истины; вотъ, что я заявилъ, дорогое дитя, дабы избѣгнуть ужасныхъ мученій, и послѣ чего мнѣ остается только умереть.

Изъ 1625 году мнѣ нужно было найти 600 флориновъ и я съ грустью раздумывалъ объ этомъ, сидя на моемъ полѣ. Тогда ко мнѣ подлетѣла бабочка и сказала: почему ты такъ грустенъ? Затѣмъ она обратилась въ козла, который сказалъ:—ты видишь теперь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Козель схватилъ меня за горло и сказалъ: ты долженъ быть моимъ или я тебя убью. Я отвѣтилъ:—да спасетъ меня Богъ. Онъ исчезъ, но скоро вернулся съ тремя мужчинами и двумя женщинами. Тогда мнѣ пришлось отречься отъ Бога

и небесныхъ силъ, что я и сдѣлалъ. Затѣмъ меня крестили и двѣ женщины служили мнѣ крестными матерями, послѣ чего онѣ дали мнѣ дукать, но онъ оказался простой мѣдью.

Я думалъ, что этого будетъ довольно, но на меня напустили палача и спросили, гдѣ я былъ на шабашѣ. Я не зналъ, что отвѣтить. Но я вспомнилъ, что письмоводитель, его сынъ и Хопфенъ Эльза указывали на Гауптморскій лѣсъ; тогда и я назвалъ это мѣсто. Затѣмъ мнѣ надо было указать, кого я тамъ видѣлъ. Сначала я сказалъ, что никого не зналъ. «А, негодяй, сейчасъ мы отдадимъ тебя въ руки палача. Говори, былъ тамъ Георгій Хаанъ?» Я сказалъ «да». «А кто еще?» Я сказалъ, что не зналъ.

«Перебирай улицу за улицей»,—сказалъ судья,— «начинай съ базарной площади». Мнѣ пришлось назвать нѣсколькихъ лицъ. «Теперь бери большую улицу». Я тамъ никого не знаю, но мнѣ все-таки пришлось дать восемь именъ. «Теперь улицу Цинкенвертъ». Тутъ я назвалъ одно лицо. И такъ далѣе, пока, наконецъ, я не зналъ кого называть.

Тогда меня снова дали въ руки палача. Павѣрно негодяй знаетъ одного человѣка, котораго онъ видитъ всякій день, но не хочетъ его назвать. Они указали на Дитмейера. И мнѣ пришлось назвать и его.

Затѣмъ у меня спросили, что я дѣлалъ на шабашѣ. Я сказалъ, что дьяволъ соблазнялъ меня на разное зло, но я не соглашался и онъ тогда ударилъ меня.

«Вздернуть негодяя на дыбу»—сказалъ судья!

Тогда я сказалъ, что я долженъ былъ убить моихъ дѣтей, но вмѣсто ихъ убилъ одну лошадь. Но этого

не было достаточно. Тогда я сказала, что я взяла освященное причастіе и зарыла его въ землю.

Послѣ этого они оставили меня въ покоѣ.

Теперь, дорогое дитя, ты знаешь всѣ мои показанія и мою исторію; мнѣ же остается только умереть. Но Богъ знаетъ, что я все это выдумала отъ страха передъ новыми пытками. Я умираю невиннымъ и какъ мученикъ.

Я писала это письмо нѣсколько дней; мои руки болятъ и я не могу стоять. Скрой это письмо, дорогое дитя, а то меня будутъ еще хуже мучить. Молись за меня послѣ моей смерти, какъ за мученика. Ты можешь смѣло поклясться, что я не колдунъ, а мученикъ.

Твой отецъ Жанъ Юніусъ, который не увидитъ тебя болѣе. 24 іюля 1628 года.

Дорогое дитя, шесть человекъ свидѣтельствовали противъ меня, но всѣ они говорили ложно лишь вслѣдствіе мученій, какъ они и сами признали, и просили меня простить ихъ».

9-го сентября 1590 года въ Нордлингенѣ въ Швабіи въ числѣ другихъ пяти женщинъ была сожжена Ребенка Лемпъ.

Эту бѣдную женщину особенно мучила мысль, что ея мужъ можетъ повѣрить обвиненію ея въ колдовствѣ. Два раза на пыткѣ она энергично отрицала свою виновность, но на третій разъ наговорила на себя все, чего хотѣли судьи. Послѣ этого она написала мужу трогательное письмо, въ которомъ убѣждала его не вѣрить этимъ обвиненіямъ и говорила, что ея признаніе было вырвано у ней пыткой.

Но судьи перехватили это письмо и новыми мученіями заставили ее написать мужу другое письмо,

въ которомъ она признавалась, что была колдуньей.

Мужъ ея однако не повѣрилъ этому письму и обращался къ суду съ многочисленными прошеніями объ освобожденіи своей жены, ручаясь за ея невинность, но понятно безо всякихъ результатовъ.

Обыкновенно судьи слѣдили за тѣмъ, чтобы пытаемая не умерла подъ пыткой и если она слишкомъ ослабѣвала, то ее относили въ тюрьму и старались возстановить ея силы, дабы затѣмъ снова подвергнуть ее мученіямъ.

Но иногда несчастная умирала подъ пыткой, такъ и не сознавшись; однако это не мѣшало судьямъ признать ее колдуньей и объяснить самую ея смерть вмѣшательствомъ дьявола, вслѣдствіе чего ее лишали и христіанскаго погребенія.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ протоколъ о пыткѣ женщины Мопенъ въ Вазунгенѣ (герцогство Саксенъ-Мейнингское) отъ 22 августа 1668 года.

Обвиняемая, говорится въ протоколѣ, была на минуту подвергнута пыткѣ и ей пригрозили продолжать пытку, если она не сознается «добровольно». Затѣмъ ее подтянули немного на дыбу. Она произнесла нѣсколько словъ, которыхъ нельзя было разобратъ.

Тогда ее спустили на полъ, но она потеряла сознание и, несмотря на всѣ усилія привести ее въ чувство, вскорѣ скончалась.

Но при этомъ палачъ замѣтилъ, что ея шея была свернута на бокъ. Какъ это случилось? Никто не могъ объяснить. Пытка продолжалась отъ 8 до 10 час. утра. Надо предположить, что дьяволъ самъ свернулъ

этой женщинѣ шею, дабы она не могла сдѣлать никакихъ признаній.

Но еще любопытнѣе заключеніе, положенное на этомъ возмутительномъ документѣ начальникомъ Ва-зенбурга.

Такъ какъ изъ протокола видно, что палачъ не перешелъ обычныхъ размѣровъ пытки, что противъ обвиняемой были различныя указанія, что, наконецъ, было признаніе, хотя и выраженное въ общей формѣ на вопросъ палача во время пытки, и что изъ сопровождавшихъ смерть обстоятельствъ можно заключить, что самъ дьяволъ свернулъ этой женщинѣ шею, мы приказываемъ похоронить ея тѣло подъ эпифотомъ.

Въ 1660 году въ Гоммернѣ въ Магдебургскомъ округѣ разбирался интересный процессъ Анны Эвъ изъ Вехлица.

Ея сосѣдка Елизавета Брозъ обвинила ее въ томъ, что она заговорила на смерть ея дѣвочки, ибо она разбила ребенка, а тотъ вскорѣ послѣ этого умеръ. Къ этому Брозъ прибавила, что она много разъ видѣла, какъ драконъ спускался на крышу дома Анны и исчезалъ въ ея домѣ.

Въ началѣ судъ допросилъ все село Вехлицъ и всѣ, отозвались объ Аннѣ Эвъ, какъ хорошей христіанкѣ и честной женщинѣ. Только двѣ сосѣдки показали, что иногда онѣ видѣли надъ домомъ Эвъ огненный шаръ, хотя и не знаютъ, былъ ли это драконъ.

Тѣмъ не менѣе главный судъ въ Лейпцигѣ по полученіи рапорта Гоммернскаго суда рѣшилъ, что Анну Эвъ слѣдуетъ подвергнуть формальному допросу.

На допросѣ Анна заявила, что она дѣйствительно разбила дѣтей Елизаветы Брозъ, которыя разбро-
процессы о колдовствѣ.

сали повѣшенное ею для просушки бѣлье, но что она не имѣетъ никакого понятія ни о колдовствѣ, ни о драконѣ.

Протоколъ этого допроса, состоящаго изъ ряда нелѣпыхъ вопросовъ заканчивается словами: «допрашиваемая все время улыбалась».

Разсмотрѣвъ этотъ протоколъ Лейпцигскій судъ (les échevins), ссылаясь на то, что Анна имѣла сношеніе съ дракономъ и на другіе пункты обвиненія, предписалъ подвергнуть ее новому допросу, но на этотъ разъ съ умѣреннымъ употребленіемъ пытки.

8-го октября 1660 года Анну подвергли пыткамъ: сначала ей надѣли напалечники, потомъ испанскіе сапоги со сжиманіемъ на винтѣ, затѣмъ ее подыали на дыбу, и наконецъ, ей снова сжали ноги въ сапогахъ на винтѣ.

Она все время утверждала, что колдовствомъ никогда не занималась, о драконѣ ничего не знаетъ, всегда была доброй христіанкой и что ее мучаютъ невинно.

Въ концѣ протокола пытки прибавлено: обвиняемая дѣлала видъ, что плачетъ, но не пролила ни одной слезы и не испустила ни одной жалобы, а только утверждала, что она невиновна. Во время пытки она два раза заснула и одинъ разъ даже стала храпѣть. Она все время сохраняла румянецъ на лицѣ.

Палачъ, говоритъ донесеніе Гоммерискаго суда Лейпцигскому эшевинажу, утверждаетъ, что у него въ рукахъ перебувало не мало народу, но никто не могъ вынести пытки, какъ Анна, не проливая слезъ и не испуская стоновъ. Онъ не думаетъ, чтобы она была невиппа.

На основаніи этого донесенія Лейпцигскій судъ постановилъ слѣдующее:

Хотя обвиняемая и не созналась въ колдовствѣ, но противъ нея есть новыя подозрѣнія, а именно: она хоть и имѣла видъ плачущей, но не пролила слезъ и не стонала, и сохранила румянецъ на щекахъ и даже заснула два раза и храпѣла, а посему надлежитъ возобновить ея допросъ подъ пыткой.

Вслѣдствіе этого 4-го ноября въ 4 часа утра Анна Эвъ была снова подвергнута пыткѣ.

Ей много разъ надѣвали испанскіе сапоги, все сильнѣе завинчивая ихъ, много разъ ее поднимали на дыбу и жгли ей сѣру подъ ногами, у подбородка, подъ мышками, но она все повторяла, что невинна и молилась, говоря «Сынъ Давида, сжался надо мной».

При этомъ голосъ ея былъ-де ровень и на щекахъ румянецъ, и она не имѣла слезъ, а лишь капли пота выступали у нея на лбу.

Согласно протоколу во время пытки черная съ красными пятнами бабочка неожиданно стала кружиться вокругъ пытаемой.

Увидѣвъ ее, Анна свернула-де въ ея сторону голову и лицо ея стало мертвенно-блѣднымъ и исказилось судорогой, но когда бабочка вылетѣла въ окошко, то лицо Анны приняло снова спокойное выраженіе. Ее спустили съ дыбы и уложивъ на солому дали ей нюхать уксуса, но она была мертва.

Этотъ протоколъ, какъ и прежніе, былъ посланъ въ Лейпцигскій судъ, который рѣшилъ, что хотя Анна и не созналась подъ пыткой въ колдовствѣ, но появленіе подозрительной бабочки чернаго цвѣта съ красными пятнами являлось новымъ серьезнымъ

противъ нея доказательствомъ, и что поэтому ее слѣдовало лишить церковнаго погребенія.

Читая творенія демонологовъ, большинство изъ коихъ были ученые теологи и монахи, приходишь въ ужасъ, какъ отъ безумія ихъ разсужденій, такъ и отъ жестокости ихъ дѣйствій.

Вотъ небольшая галерея этихъ слугъ дьявола.

Шпренгеръ, теоретикъ, составившій знаменитый *malleus maleficarum* (1485). Это сентиментальный и съ своей точки зрѣнія сострадательный человѣкъ. Онъ горюетъ о распространеніи колдовства и о вредѣ, наносимомъ колдунами добрымъ христіанамъ. Онъ отправилъ на костеръ нѣсколько тысячъ человѣкъ, но по его словамъ это необходимо и для спасенія ихъ душъ, и для освобожденія земли отъ власти дьявола.

Grillandus, инквизиторъ въ Аренцо, отправилъ на костеръ, по его собственнымъ словамъ 1770 человѣкъ. Онъ дѣйствовалъ безъ гнѣва и жалости съ непреклонностью ученаго фанатика.

Его сочиненіе *Tractatus de sortilegiis* (Francfort 1592).

Henry Boguet, судья въ Saint-Claude (1619) сжегъ до 600 колдуній въ Бургундіи. Онъ одинъ изъ самыхъ тупыхъ и злыхъ инквизиторовъ.

Между прочимъ онъ осудилъ, какъ колдунью, Франсуазу Секретенъ, потому что крестъ у ея четокъ былъ немного надломанъ.

Онъ написалъ *Discours des Sorciers* (Lyon 1610).

Bodin, адвокатъ, резонеръ и казуистъ уже извѣстенъ намъ по выдержкамъ.

Онъ написалъ *De la démonomanie des Sorciers* (Paris 1687).

Но въ казуизмѣ его еще превосходитъ іезуитъ Martin Del Rio, который разставляетъ попавшимъ въ его руки несчастнымъ юридическія западни, дабы сжигать ихъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Онъ написалъ *Des controverses et recherches magiques* (Paris 1611).

Николай Ремигій, судья въ Лотарингіи, доходитъ въ своемъ фанатизмѣ до безумія.

По его мнѣнію, дьяволъ находится всюду, даже на церковныхъ соборахъ. На каждахъ трехъ лицъ, говоритъ онъ, двое навѣрно колдуны.

Самъ онъ страшно боится дьявола, но потому-то и прибѣгаетъ ко всѣмъ жестокостямъ, дабы обезвредить его.

У него никто не можетъ рассчитывать на состраданіе или на оправданіе.

Въ его *Démonolatrie* находятся слѣдующіе примѣры его суда.

Катерина раздуваетъ огонь и при этомъ искра падаетъ на ея знакомую Лолу, которая была беременна. Не успѣла Лола вернуться домой, какъ она разрѣшилась отъ бремени. Ясно, что Катерина колдунья, и ее сожгли.

Жанна разбиваетъ раковину улитки и вскорѣ послѣ этого у ея сосѣдки Варвары умираютъ бараны. Въ огонь Жанну.

Нѣсколько путниковъ заблудились ночью послѣ того, какъ встрѣтили одну старуху. Очевидно, она ихъ заговорила. И ее сжигаютъ.

Въ Лотарингіи Ремигій сжегъ до 900 колдуній и онъ хвастаетъ, что многія колдуньи, попавъ въ его руки, убивали себя еще до пытки.

Онъ написалъ «*Demonolatriae libri III*». Laudun 1595.

Онъ оставилъ послѣ себя также поэму, въ которой между прочимъ рассказываетъ, какъ допрашиваемая имъ колдунья отмалчивалась, только поднимая и опуская глаза и какъ-бы призывая къ себѣ на помощь. Онъ, Ремигій, сразу понялъ, что тутъ дѣло не чисто и въ виду его настояній колдунья созналась, что она видитъ на стѣнѣ дьявола въ видѣ улитки, который и мѣшаетъ ей говорить.

Но однажды въ комнату допроса на самомъ дѣлѣ вбѣжала черная кошка и Ремигій, и секретарь, и палачъ, думая, что это дьяволъ, въ ужасѣ бѣжали, кто куда могъ, а колдунья воспользовалась этимъ и успѣла скрыться.

Поэма Ремигія заканчивается слѣдующими словами:

*Juges, ne craignez point de vous montrer sevères
Dans vos arrêts portés pour punir la sorcière.
Sur ce fait prononcez du bûcher le supplice,
Tous les siècles loueront ces actes de justice.*

Въ концѣ концовъ этотъ маньякъ рѣшилъ, что онъ и самъ колдунъ и вслѣдствіе доноса на самого себя былъ къ своему удовлетворенію сожженъ на костре.

Pierre de Lanoue, совѣтникъ Парламента въ Бордо, былъ посланъ въ 1609 году въ Лабурдъ (на гра-

ницѣ съ Испаніей), для искорененія колдовства. За три мѣсяца онъ сжегъ тамъ 600 женщинъ.

Это былъ эlegantный кавалеръ, любящій ухаживать и умѣющій писать мадригалы, но въ то же время крайне суевѣрный человѣкъ, пропитанный воззрѣніями демонологовъ.

Свои подвиги въ Лабурдѣ онъ описалъ въ *Tableau de l'inconstance des mauvais Anges et des Démons* (Paris 1612) и въ *L'incrédulité et Mescréance du Sortilège pleinement convaincue* (Paris 1622).

Въ преслѣдованіи колдуній онъ съ особенной любовью останавливался на хорошенькихъ женщинахъ и допрашивалъ ихъ о разныхъ пикантныхъ подробностяхъ шабаша и объ ихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ.

Дабы яснѣе представить себѣ шабашъ, онъ заставлялъ колдуній танцовать передъ нимъ въ тюрьмѣ совсѣмъ голыми качучу, которую онѣ исполняли на шабашѣ, но со свойственнымъ ему ханжествомъ онъ не упускалъ случая замѣтить имъ, что ихъ движенія неприличны и нескромны, и что эти танцы весьма преступны.

Это представленіе не мѣшало ему однако посылать этихъ женщинъ и даже дѣвочекъ (13-15 лѣтъ) на костеръ.

Съ немалымъ интересомъ слѣдилъ de Lanге также за отыскиваніемъ стигмата дьявола на тѣлѣ молодыхъ женщинъ. Эту обязанность онъ поручилъ нѣкоей Мурги, развращенной дѣвушкѣ 17 лѣтъ, которая успѣла ему понравиться и пользовалась полнымъ его довѣріемъ.

Въ рукахъ этой Мурги лежала судьба несчастныхъ женщинъ и нѣтъ сомнѣнiя, что у многихъ она находила роковой стигматъ изъ зависти и изъ соперничества.

Соединяя жестокость съ веселостью, de Lancre былъ также весьма легковѣренъ и тщеславенъ.

Онъ приписываетъ большое число колдунiй въ Лабурдѣ тому обстоятельству, что добрые монахи прогнали дьяволовъ изъ Индiи и Японiи, которые тогда и переселились къ Гаскамъ, гдѣ они скоро захватили въ свою власть и женщинъ, и дѣтей, и большинство священниковъ. Касательно переселенiя дьяволовъ изъ Японiи во Францiю, de Lancre ссылается на свидѣтельство многихъ англичанъ, которые во время путешествiй по морямъ видѣли-де, какъ стада дьяволовъ, въ видѣ ужасныхъ людей, летѣли во Францiю.

De Lancre отправилъ на костеръ и нѣсколько священниковъ; по его словамъ онъ нашелъ даже двѣ церкви, гдѣ дьяволъ устраивалъ шабашъ.

Самого себя de Lancre считалъ могущественнымъ борцомъ противъ дьявола, и чтобы подольстить ему, многiя обвиняемая рассказывали, какъ дьяволъ бонется его и старается отъ него отдѣлаться.

Такъ двѣ молодыя дѣвушки, Маргарита и Лизальда, показали де-Ланкру на допросѣ, что на послѣднемъ шабашѣ много колдунiй горько упрекали дьявола, что онъ не умѣетъ ихъ защитить отъ судей.

Сконфуженный дьяволъ наконецъ заявилъ, что онъ жестоко расправится съ де-Ланкромъ и потребовалъ для этого предпрiятiя помощи всѣхъ своихъ вѣрныхъ слугъ.

На слѣдующую ночь дьяволъ и его помощники направляются въ домъ, гдѣ жилъ де-Ланкръ и несмотря на стражу и слугъ проникаютъ до его спальни. Сатана самъ отворяетъ дверь, но не смѣетъ взойти. Тогда его любовница Сансинена и другія колдуньи, кто посмѣлѣе, приближаются къ спящему де-Ланкру и даже входятъ подъ занавѣсъ кровати, съ цѣлью задушить или отравить его, но все безуспѣшно. Съ 11 час. вечера до 1¹/₂ часа ночи колдуньи вертятся около его постели и совѣщаются съ дьяволомъ о способѣ умертвить де-Ланкра. Сансинена служитъ черную мессу въ кухнѣ, а одинъ священникъ-колдунъ въ самой спальнѣ де-Ланкра, разложивъ для этого на столѣ плащъ дьявола, но ничто не помогаетъ. Настолько старательно охраняетъ Богъ этого энергичнаго судью.

Де-Ланкръ удивляется, что онъ даже не проснулся во время всѣхъ этихъ покушеній на него, но повидимому нисколько не сомнѣвается въ истинѣ этихъ показаній.

Въ нѣкоторыхъ процессахъ о колдовствѣ немалую роль играло также одержаніе бѣсомъ или дьяволомъ (*possession diabolique*).

Это одержаніе чаще всего проявлялось въ женскихъ монастыряхъ и вполне напоминаетъ различныя явленія истеріи и другихъ психическихъ болѣзней, которыя (явленія) теперь можно видѣть въ Сальпетриерѣ и другихъ больницахъ.

Одержимая бѣсомъ принимала неестественныя позы, напримѣръ, опираясь на полъ только головою и пальцами ногъ она выгибалась аркою животомъ вверхъ. Языкъ ея распухалъ и весь черныиъ высовывался изо рта. Иногда она съ невѣроятной силой и быстротою

билась головой объ полъ, не испытывая отъ этого никакого неудобства. Часто она поражалась общей или частичной анестезіей, такъ что ей свободно всаживали въ тѣло булавки и даже прокалывали руку насквозь, а она ничего не чувствовала, и отъ укола не выступало ни капли крови. Иногда тѣло ея было въ катаlepsii, т. е. всѣ члены становились нестигаемыми, какъ бы изъ желѣза.

Бѣсноватая часто имѣла припадки нимфоманіи и принимала самыя безстыдныя позы, выкрикивая неприличныя слова.

Несомнѣнно, что эти взрывы чувственности и безстыдства проявлялись въ женскихъ монастыряхъ, какъ протестъ противъ вынужденнаго дѣнства и насилія надъ природой.

Точно также въ видѣ реакціи противъ вынужденной святости и безконечныхъ религіозныхъ формальностей, на бѣсноватыхъ находили припадки богохульства.

Иногда онѣ угадывали мысли и отвѣчали на вопросы, обращенные къ нимъ на неизвѣстномъ имъ языкѣ.

Все это въ прежнее время считалось дѣйствіемъ дьявола, вошедшаго въ данную женщину.

Ссылаясь на примѣры бѣсноватыхъ въ библіи, церковь не позволяла сомнѣваться въ этомъ.

Для изгнанія дьявола церковь употребляла экзорцизмы (т. е. заклинанія).

Экзорцистами являлись священники и монахи.

Своими заклинаніями они часто гипнотизировали своихъ пациентовъ, сообщая имъ свою вѣру въ одержаніе ихъ бѣсомъ и вмѣсто успокоенія только еще болѣе возбуждали ихъ.

Такъ какъ всѣ рѣчи бѣсноватой считались исходящими не отъ нея, но отъ одержащаго ее бѣса, то экзорцистъ часто вступалъ въ настоящій диспутъ съ дьяволомъ. Первымъ дѣломъ заклинатель освѣдомлялся объ имени бѣса, одержащаго паціентку, и обыкновенно этотъ бѣсъ, а если ихъ было нѣсколько, то всѣ они охотно представлялись заклинателю, сообщая свое имя, должность и занятія въ аду. Отсюда тогдашніе теологи почерпнули и многія свои свѣдѣнія объ іерархіи въ аду, объ именахъ дьяволовъ и объ ихъ занятіяхъ.

Церковь выставила правиломъ, что при надлежащемъ заклинаніи, экзорцистъ можетъ заставить дьявола говорить правду устами бѣсноватой, и что въ этихъ случаяхъ слова дьявола являются неопровержимымъ доказательствомъ истины.

Поэтому, на основаніи такихъ свидѣтельствъ дьявола не мало людей было уличено въ колдовствѣ и сожжено на кострѣ. И церковь забывала, что она сама называетъ дьявола отцомъ лжи!

Для большей увѣренности экзорцистъ даже заставлялъ дьявола, т. е. бѣсноватую предварительно присягнуть, что онъ будетъ говорить правду.

А между тѣмъ, бѣсноватыя, находясь подъ вліяніемъ экзорцистовъ (заклинателей), давали показанія желательныя послѣднимъ.

Иногда и съ той и съ другой стороны это внушеніе происходило безсознательно, но бывало, что заклинатели и бѣсноватыя прибѣгали къ сознательному обману и лжи, дабы погубить какого-нибудь человѣка.

Для заклинаній дьявола существовали различныя руководства, изъ коихъ одно изъ наиболѣе извѣстныхъ *Flagellum Daemonum* монаха Ieronimus Mengus.

Сначала экзорцистъ долженъ былъ вооружиться для борьбы съ дьяволомъ разными священными предметами: крестомъ, иконами, Св. Причастіемъ, святой водой, освященной солью, св. елеемъ и проч.

Въ заклинаніяхъ онъ долженъ былъ какъ можно сильнѣе поносить дьявола и издѣваться надъ нимъ.

Тогда, думали теологи, гордый дьяволъ не выдержитъ поношенія и удалится изъ этого мѣста.

Если дьяволъ слишкомъ упорствовалъ, то экзорцистъ долженъ былъ стараться выгнать его по крайней мѣрѣ изъ головы, сердца и желудка пациента и загнать его въ ногти на пальцахъ ногъ.

Приведемъ переводъ съ латинскаго экзорцизма № 1 по книгѣ монаха Mengus.

Слушай, дьяволъ, нечистый духъ! Я заклинаю тебя и приказываю тебѣ. Я тебѣ это говорю, тебѣ, искуситель, тщеславный безумецъ, мошенникъ, еретикъ, болтунъ, врагъ, пьяница, шпіонъ, идіотъ, лишенный благодати Бога и Христа. Я заклинаю тебя выйти изъ этого раба Божьяго, который ищетъ защиты у перкви.

Не вздумай презирать меня за то, что я — слабъ и грѣшенъ. Моими устами тебѣ приказываетъ Богъ; тебѣ приказываетъ величіе Христа; тебѣ приказываетъ вѣра Петра, Павла и другихъ апостоловъ, тебѣ приказываютъ кровь мучениковъ и таинство креста и сила таинствъ; тебѣ приказываютъ Иисусъ Назаретъ и воплотившееся Слово.

Уходи же, злодѣй, уходи подлый искуситель, полный лжи и хитрости, и врагъ правды. Дай мѣсто, упрямецъ, дай мѣсто, нечестивецъ. Уступи мѣсто Христу, въ Коемъ ты не нашелъ ничего изъ своихъ негод-

ныхъ дѣлъ. Онъ отнялъ у тебя власть, Онъ разрушилъ твое царство. Онъ связалъ тебя побѣжденнаго и разбилъ твои сосуды, и повергнулъ тебя въ вѣчный мракъ, гдѣ тебѣ и твоимъ слугамъ уготовано мѣсто. Ну, что-жъ ты еще размышляешь, наглець? Чего ты медлишь, о дерзкій?

Ты виновенъ предъ Всемогущимъ Богомъ, Коего законъ ты нарушилъ и предъ Его Сыномъ Иисусомъ Христомъ, Коего ты предерзостно осмѣлился искушать и подвергнуть распятію и предъ человѣческимъ родомъ, коего ты побудилъ вкусить отъ плода смерти.

Итакъ, заклинаю тебя, нечестивый драконъ, во имя Агнца Непорочнаго, Который попираетъ аспида и василиска и повергаетъ льва и дракона. Выйди изъ этого человѣка, выйди изъ Божіей церкви. Трепещи и бѣги, услышавъ Имя Того, предъ кѣмъ дрожитъ адъ и Которому подчинены Силы неба и Коего Херувимы и Серафимы вѣчно хвалятъ говоря, Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѣ.

Тебѣ повелѣваетъ Иисусъ Назорей. Ты презрѣлъ Его учениковъ, но Онъ повергнулъ и сломилъ тебя и когда по Его приказу ты вышелъ изъ бѣсноватаго, то въ Его присутствіи не смѣлъ коснуться даже стада свиней.

Уходи же, покинь этого человѣка, созданнаго руками Того, во Имя Коего я заклинаю тебя. Трудно тебѣ сопротивляться Христу. Трудно противиться уколамъ. Чѣмъ позднѣе ты уйдешь, тѣмъ сильнѣе будутъ твои мученія.

Ты презираешь не человѣка, а Высшаго Господа, Который придетъ судить огнемъ живыхъ и мертвыхъ. Спрячься въ глубинѣ морской или подъ корою без-

плодныхъ деревьевъ, или въ пустынныхъ мѣстахъ, избѣгаемыхъ христіанами и да поразить тебя тамъ небесный огонь. Уходи, не нанося раны ни мнѣ, ни присутствующимъ и оставь здоровымъ мучимаго тобой.

Если дьяволъ остается глухимъ даже къ столь энергичнымъ требованіямъ, то надо написать имя его на бумагѣ и нарисовать на ней его образъ и сжечь ее на огнѣ изъ сѣры и вонючихъ травъ. При этомъ заклинатель произнеситъ слѣдующее заклинаніе.

Да погибнуть твои мысли и дѣла, проклятый духъ! Выйди сейчасъ же изъ этого Божьяго творенія, гдѣ бы ты ни скрывался. Я безстрашно бросаю въ огонь твой образъ и твое имя, которые я держалъ на вонючемъ дыму.

Пусть это пламя сожжетъ твое имя и твой дьявольскій образъ такъ, чтобы отъ этого ты вѣчно испытывалъ ужасную боль и обжогн въ тысячу разъ сильнѣйшіе, чѣмъ могло бы быть отъ этого огня. Вонъ, говорю я тебѣ. Я слуга Божій.

Если ты будешь сопротивляться, я приговорю тебя къ постоянному увеличенію мученій до дня суда (*Flagellum Daemonum-Exorcismus Septus*).

Изъ процессовъ объ одержаніи бѣсомъ наиболѣе знамениты слѣдующіе: процессъ Марсельскаго священника *Louis Gauffridi* и монахинь ордена Св. Урсулы въ городѣ Эксъ (1600 — 1611), описанный въ книгѣ инквизитора и экзорциста доминиканца *père Sebastien Micaëlis, Histoire Admirable de la possession et de la conversion d'une pénitente séduite par un magicien ensemble Pneumatologie*. Paris 1613; процессъ *Madeleine Bavent* изъ монахинь ордена Св. Франциска въ *Louviers* 1643—1647, описанный монахомъ *Demaretz*,

Histoire de Mardeleine Bavent (Paris 1652) и процессъ священника *Urbain Grandier* и урсулинокъ въ городѣ *Laudun* 1633—1634.

Въ 1609 году въ монастырѣ урсулинокъ въ городѣ Эксъ (*Aix*) двѣ монахини—Магдалина изъ семьи *de la Palud* и Луиза Капо (*Louise Carreau*) показали признаки одержанія бѣсомъ. Послѣ нѣкотораго времени онѣ были переданы въ руки экзорцистовъ о. Михаэлиса доминиканца и о. Домциуса.

Одержимыя монахини подъ заклинаніями сказали, что ихъ заколдовалъ Луи Гоффриди, священникъ города Марсея, который часто бывалъ въ домѣ отца Магдалины, сеньора *de la Palud*, и котораго Луиза называла княземъ колдуновъ въ Испаніи, Франціи, Англии и Турціи.

Луиза Капо заявила, что она одержима тремя бѣсами. Верринъ, добрый бѣсъ, католикъ, посланный Богомъ, дабы изобличить и наказать Гоффриди, Грезиль и Сонельонъ.

Магдалина заявила, что Гоффриди обольстилъ ее, когда ей было только 9 лѣтъ и послалъ въ нее 6666 бѣсовъ. Главные бѣсы въ Магдалинѣ были: Вельзевулъ—князь бѣсовъ, Асмодей, Ваальверифъ, Левіаѳанъ-злой бѣсъ и протестантъ, и Астороть-бѣсъ чувственности.

Во время заклинаній Магдалина впадала въ конвульсіи, задыхалась и иногда доходила до чувственного спазма; по словамъ экзорцистовъ бѣсъ Асмодей осквернялъ ее даже во время заклинанія, вызывая передъ ней образъ Гоффриди.

Магдалина видимо дѣйствовала подъ внушеніемъ Луизы. Часто она начинала защищать Гоффриди, и

въ минуты просвѣтленія пыталась даже убить себя, но Луиза заставляла ее повторять обвиненія противъ Гоффриди и угрозами приводила ее въ повиновеніе. «Ты будешь сожжена», сказала ей Луиза во время одного изъ заклинаній и испуганная Магдалина стала послушно повторять всѣ утвержденія Луизы.

Такъ какъ экзорцисты приписывали всѣ показанія этихъ монахинь сидящимъ въ нихъ бѣсамъ, то иногда сцены заклинанія, на которыя собирались толпы народа, представляли какъ-бы диспутъ между двумя бѣсами. Верринъ нападалъ на Гоффриди, Вельзевулъ защищалъ его, а изъ зрителей одни ободряли Веррина, другіе Вельзевула, и всѣ прославляли Бога, что онъ изобличаетъ сатану его собственными устами.

Наконецъ Михаэлисъ отправилъ капуцинамъ ордена Св. Франциска въ Марселѣ приказъ арестовать Гоффриди.

Но такъ какъ въ Марселѣ всѣ любили Гоффриди, и онъ пользовался прекрасной репутаціей, то капуцины также нашли одержимую бѣсомъ женщину, которая подъ заклинаніями заявила, что Гоффриди не колдунъ и что его нельзя арестовать.

Итакъ одни бѣсы выступили противъ другихъ: бѣсы доминиканцевъ требовали казни Гоффриди, а бѣсы капуциновъ защищали его. Но побѣда осталась за первыми.

Въ февралѣ о. Михаэлисъ обратился къ содѣйствію парламента въ Эксъ.

Президентъ парламента присутствовалъ при заклинаніяхъ и нашелъ, что Вельзевулъ приводилъ въ движеніе у Магдалины мозжечекъ, а Левіаѳанъ другую часть мозга.

Гоффриди былъ арестованъ и отправленъ въ Эксъ, гдѣ Магдалину должны были поставить на очную съ нимъ ставку.

Но судьи не очень-то были увѣрены въ этой бѣдной дѣвушкѣ, которая была въ страшномъ волненіи и обнаруживала раскаяніе въ своихъ нападкахъ на Гоффриди; и вотъ, наканунѣ ее спустили въ яму въ тюрьмѣ архіепископа, гдѣ гнили кости узниковъ и сдѣлали надъ ней заклинаніе въ этой клоакѣ.

Она не умерла отъ ужаса, но всякое нравственное чувство было въ ней убито и она стала слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ экзорцистовъ.

Когда ее вывели передъ Гоффриди, она стала биться въ конвульсіяхъ, испускала вопли, ругая его и обвиняя во всевозможныхъ преступленіяхъ. Въ то же время она кричала хулу на Бога, на Св. Дѣву, на крестъ и т. д., но всѣ эти проклятія и богохульство ея бѣсъ выкрикивалъ отъ имени Гоффриди.

Всѣ ужасы, которые она вопила, все это приписывали Гоффриди. У несчастнаго священника брызнули слезы.

Я клянусь именемъ Бога, Св. Дѣвой и Іоанномъ Крестителемъ, воскликнулъ онъ, что все это—ложь.

«О, я понимаю васъ», отвѣчала Магдалина. «Именно эта клятва употребляется на собраніи дьяволовъ. Подъ Богомъ Отцомъ вы подразумѣваете Люцифера, подъ Его Сыномъ—Вельзевула, подъ Св. Духомъ—Левіаана, а подъ Св. Дѣвой, о негодяй, мать Антихриста, а дьявола, предшественника Антихриста, вы зовете Іоанномъ Крестителемъ».

У Гоффриди сдѣлали обыскъ, по вичего не нашли, затѣмъ его подвергли процедурѣ отысканія стигмата

дьявола, и при доброй волѣ, понятно, нашли таковой.

Будь мы въ Авиньонѣ, воскликнулъ безсердечный Михаэлисъ, завтра этотъ человѣкъ уже горѣлъ-бы на кострѣ.

Пытка окончательно сломила Гоффриди и подъ диктовку своихъ мучителей онъ призналъ за собой всевозможныя преступленія, при чемъ палачи заставили его подписать это сознаніе, какъ будто-бы онъ далъ его добровольно.

Вотъ приблизительное содержаніе этого возмутительнаго акта, составленнаго отъ имени Гоффриди.

5—6 лѣтъ назадъ Гоффриди сталъ читать книгу магіи. Тогда дьяволъ явился передъ нимъ въ видѣ хорошо одѣтаго человѣка, и Гоффриди заключилъ съ нимъ договоръ, по коему дьяволъ обѣщаль создать ему въ Марселѣ хорошую репутацію и предоставить въ его распоряженіе всѣхъ красивыхъ женщинъ, а онъ, Гоффриди, отдасть дьяволу свою душу и тѣло, въ чемъ далъ и расписку, написанную своей кровью.

Тогда дьяволъ далъ ему власть возбуждать во всякой женщинѣ любовь къ себѣ, дунувъ ей въ ноздри.

И вотъ, Гоффриди сталъ дуть на всѣхъ женщинъ, которыя ему нравились и наслаждаться ихъ любовью.

Въ домѣ сеньора de la Palud ему сильно нравилась Магдалина, но ему было трудно приблизиться къ ней, ибо мать очень наблюдала за ней и потому онъ сначала дунулъ на мать, а затѣмъ побудилъ послѣднюю оставлять его наединѣ съ Магдалиной.

Тогда онъ овладѣтъ Магдалиной и много разъ дулъ на нее, чтобы она сама искала отдаться ему.

Гоффриди далъ Магдалинѣ дьявола Асмодея, чтобы помогать и служить ей; а затѣмъ онъ даже обвѣнчалъ ее съ Вельзевуломъ, послѣ чего и она дала расписку въ томъ, что отрекалась отъ Бога и отдавалась дьяволу.

Согласно этой исповѣди Гоффриди часто посѣщаль шабашъ; для этого онъ становился у открытаго окна и Люциферъ мигомъ переносилъ его на шабашъ.

На шабашѣ, по его словамъ, всякій при входѣ долженъ отречься отъ Бога и отъ святыхъ и особенно отъ Св. Франциска (этотъ пунктъ—доминиканцы нарочно вставили въ исповѣдь Гоффриди, дабы оттолкнуть отъ него Францисканцевъ, которые, какъ мы видѣли были за него).

На шабашъ Гоффриди часто бралъ съ собой и Магдалину, которая и тамъ отдавалась ему.

На шабашѣ они всѣ богохульствовали, обожали дьявола и служили черную мессу. Во время мессы вмѣсто причастія раздавали корку хлѣба, и присутствующіе или сами съѣдали этотъ кусокъ, или давали его дьяволу въ видѣ собаки, котораго иногда сильно бранили, если онъ не аккуратно ѣлъ эту корку.

При словахъ мессы «*Agnus Dei*» и «*Domine, non sum dignus*» каждый приходитъ-де въ ярость и всѣ восклицаютъ, обращаясь къ дьяволу:

«Всегда помогай намъ, властитель!».

Дьяволъ никогда не оставлялъ Гоффриди, а когда Гоффриди входилъ въ церковь, то дьяволъ ждалъ его у дверей.

На основаніи всѣхъ этихъ нелѣпостей парламентъ т. е. судъ въ Эксѣ призналъ Гоффриди виновнымъ

въ похищеніи, обольщеніи, нечестіи, магіи, колдовствѣ, и другихъ ужасахъ и произнесъ приговоръ, чтобы палачъ провелъ его по всѣмъ улицамъ города Эксъ и чтобы передъ главной церковью онъ принесъ покаяніе, будучи босикомъ, съ непокрытой головой, съ веревкой на шеѣ, и со свѣчкой въ рукахъ, и чтобы тамъ онъ на колѣняхъ просилъ прощенія у Бога, короля и суда, а затѣмъ чтобы его отвели на площадь и сожгли живымъ на костре, и чтобы пепелъ былъ развѣянъ по вѣтру (апрѣль 1611 года).

Магдалина и Луиза были освобождены, но ихъ прогнали изъ монастыря, и послѣ онѣ вели скитальническую и жалкую жизнь.

Въ 1643 году началось бѣснованіе монахинь ордена Св. Франциска въ Лувіе, въ епархіи d'Еугеих.

Число бѣсноватыхъ сразу дошло до 15, а вскорѣ ихъ стало болѣе двадцати.

На заклинаніяхъ онѣ заявили, что ихъ заколдовалъ умершій въ 1642 году настоятель монастыря отецъ Матюринъ Пикарь, съ помощью ихъ-же монахини Магдалины Баванъ, которой тогда было 36 лѣтъ. Сестра Анна Барре заявила, что она и теперь видитъ голаго дьявола рядомъ съ Магдалиной. Послѣдняя отвѣтила, что она видѣла сестру Барре на шабашѣ.

Епископъ d'Еугеих, Францискъ дѣ-Перикарь, приказалъ вырыть тѣло Пикара, похороненное рядомъ съ рѣшеткой монастыря и закопать его въ отдаленной ямѣ, а Магдалину Баванъ посадить въ тюрьму.

Но родственники Пикара начали процессъ противъ епископа Перикарь, обвиняя его въ незаконномъ оскверненіи могилы.

Тогда уже для своей защиты епископъ возбудилъ обвиненіе въ колдовствѣ противъ покойнаго Пикара и его замѣстителя въ монастырѣ Францисканокъ дьякона Томаса Булле, равно какъ и противъ Магдалины Баванъ.

Дѣло это поступило въ судъ (Parlement) въ Руанѣ.

Магдалина Баванъ доставила главную пищу обвиненію противъ Пикара и Булле.

Будучи заключена послѣ суда до своей смерти въ тюремной ямѣ in расе она повторила свои показанія въ видѣ исповѣди монаху Demaretz, который записалъ и издалъ эту исповѣдь.

Содержаніе показаній Магдалины было слѣдующее:

Еще предшественникъ Пикара, настоятель Давидъ, занимался развращеніемъ монахинь и установилъ, чтобы монахини ходили совершенно голыми.

Это-де практиковалось во-первыхъ—въ цѣляхъ пріученія монахинь къ полному повиновенію, а во-вторыхъ—потому, что чѣмъ святѣе онѣ были, тѣмъ менѣе имъ надѣ было стыдиться наготы, подобно Адаму и Евѣ, которые до грѣхопаденія не чувствовали своей наготы.

Пикаръ, по смерти Давида, поддержалъ этотъ обычай въ монастырѣ, настаивая, чтобы монахини приходили голыми даже въ церковь и не стѣснялся развращать ихъ.

Магдалина ему приглянулась, и онъ сдѣлалъ ее своею любовницею.

Уже въ это время Магдалину преслѣдовалъ дьяволъ въ видѣ kota, который однажды пытался вырвать у нея изо рта причастіе и который два раза ее изнасиловалъ.

Вскорѣ Пикарь съ помощью дьявола перенесъ Магдалину на шабашъ, гдѣ она часто видѣла и Булле.

На шабашѣ Пикарь служилъ черную мессу, а Булле былъ у него дьякономъ.

Булле бывалъ на шабашѣ съ какой-то дамой подъ нуалью, которую признавали царицей шабаша.

На шабашѣ Магдалина обвѣнчалась также съ дьяволомъ Дагономъ, и принадлежала различнымъ дьяволамъ.

Тутъ изготовляли различные порошки и снадобья для колдовства. Тутъ мучили и убивали дѣтей и затѣмъ жарили ихъ и ѣли.

Тутъ богохульствовали и оскверняли освященное причастіе.

Однажды самъ Исусъ Христосъ явился на небѣ и молніей поразилъ многихъ колдуновъ.

Магдалина нѣсколько разъ давала дьяволу расписку, въ которой отрекалась отъ Бога и клялась принадлежать дьяволу.

Дьяволъ также давалъ Магдалинѣ записки, въ которыхъ подтверждалъ, что она должна принадлежать ему и угрожалъ смертью въ случаѣ неповиновенія.

Послѣ смерти Пикара, дьяволы ночью принесли Магдалину на его могилу, и Пикарь, высунувшись наполовину изъ могилы, сказалъ ей, что теперь пришло время исполнить ея обѣщанія. Дьяволы, бывшіе рядомъ, сказали ей спуститься въ могилу, что она и сдѣлала было, но увидѣвъ пламя, поднимавшееся со дна, быстро выбралась наверхъ, говоря, что она не желаетъ быть проклятой заодно съ Пикаромъ и хочетъ спасти свою душу, послѣ чего она сразу снова очутилась въ своей комнатѣ.

Мнѣніе историковъ относительно личностей монаховъ Давида и Пикара—различно; одни (напримѣръ Baissac въ капитальномъ изслѣдованіи: *Les grands jours de la sorcellerie* (Paris 1890) видятъ въ обвиненіяхъ Магдалины лишь выдумки истеричной нимфоманки, другіе же напримѣръ Michelet и Guaita считаютъ ихъ дѣйствительно за развратныхъ священниковъ.

Но судъ обратилъ главное вниманіе на явно нелѣпыя выдумки Магдалины о шабашѣ и сношеніяхъ съ дьяволомъ. Къ тому же противъ Булле были приведены еще два поразительныя доказательства колдовства, а именно, что онъ излечивалъ зубную боль и любилъ читать книги въ черномъ и закопченномъ переплетѣ.

Хотя Булле геройски вынесъ пытку, но тѣмъ не менѣе судъ произнесъ возмутительный приговоръ, по которому тѣло Пикара должно было быть снова вырыто, Булле долженъ былъ быть скованъ съ этимъ трупомъ и доставленъ въ такомъ видѣ на площадь, гдѣ и живой и мертвый должны были быть сожжены на кострѣ, что и было исполнено 24 августа 1647 года на той же площади въ Руанѣ, гдѣ 216 лѣтъ передъ тѣмъ была сожжена, также по обвиненію въ колдовствѣ, гордость Франціи—Жанна д'Аркъ, дѣва Орлеанская.

Въ 1632 году въ монастырѣ урсулинокъ въ Лудюпѣ началось бѣснованіе.

Оно выражалось преимущественно въ безстыдныхъ жестахъ и рѣчахъ, при чемъ настоятельница молодая, легкомысленная Жанна Бельсіель и многія сестры заявили, что ихъ заколдовалъ священникъ

церкви Св. Петра въ этомъ же городѣ, Урбанъ Грандье, и что онъ проникаетъ къ нимъ ночью несмотря на запертыя двери и имѣетъ съ ними половыя сношенія.

Урбанъ Грандье былъ молодой свѣтскій священникъ, имѣвшій громадныя успѣхы у женщинъ и не скрывавшій своихъ побѣдъ. Въ это время онъ имѣлъ любовницей дѣвушку изъ хорошаго рода Магдалину де-Бру, ради которой онъ написалъ и свой извѣстный трактатъ противъ безбрачія духовенства.

Настоятельница урсулинокъ, Жанна де-Бельсіель, предлагала ему вакантное мѣсто духовника въ своемъ монастырѣ, но онъ отказался, что надо думать, крайне раздражило Жанну, тѣмъ болѣе, что въ Лудюнѣ всѣ говорили о любовныхъ авантюрахъ Грандье.

У этого молодого священника было не мало враговъ, созданныхъ его заносчивостью и дерзостью.

На первомъ мѣстѣ понятно надо поставитъ всемогущаго тогда министра кардинала Ришелье, который имѣлъ съ Грандье столкновение еще въ бытность епископомъ въ Люсонѣ; кромѣ того Урбану Грандье приписывали памфлетъ противъ кардинала «la Cordelière».

Епископъ города Пуатье, де-ля-Рошпозай, отъ ко-его зависѣлъ Грандье, былъ имъ недоволенъ, такъ какъ тотъ помимо епископа обращался прямо къ архіепископу бордоскому Генриху де-Сурдись.

Итакъ, когда у урсулинокъ началось бѣснованіе монахинь, то епископъ де-ля-Рошпозай назначилъ туда экзорцистами явныхъ враговъ Грандье—священниковъ Миньона, бывшаго уже духовникомъ урсулинокъ и Пьера Баррэ.

Понятно, что они еще болѣе возбуждали монахинь къ разнымъ обвиненіямъ противъ Грандье.

Послѣдній, видя, что дѣло становится серьезнымъ, обратился съ жалобой къ городскому балыи (начальнику) М-г de Cerisay (ge Серизай).

Послѣдній лично убѣдился въ искусственности бѣснованій и нѣсколько разъ обращался съ жалобой къ епископу, но, не получая отвѣта, написать письмо начальнику (official) округа Пуатье, въ которомъ онъ указывалъ на подстроенность бѣснованій и заклинаній.

Экзорцисты Миньонъ и Барре, говоритъ онъ, взаимно называютъ другъ друга святыми.

Барре въ своихъ заклинаніяхъ поправляетъ дьявола въ его грамматическихъ ошибкахъ и подсказываетъ ему, что тотъ долженъ говорить.

Однажды по его приглашенію о. Руссо корделіеръ вложилъ палецъ въ ротъ одной изъ бѣсноватыхъ, и та такъ жестоко укусила его, что бѣдный монахъ схватилъ ее за носъ, крича: «караулъ! дьяволы! дьяволы!»

Въ это время въ Лудюнъ пріѣхалъ архіепископъ de-Sourdis, и взялъ Грандье подъ свою защиту.

Онъ запретилъ отцамъ Миньону и Барре заклинать монахинь и приказалъ распредѣлить послѣднихъ для наблюденія по частнымъ домамъ.

Бѣснованіе немедленно прекратилось, какъ по волшебству.

Но вскорѣ дѣло это возобновилось и надо думать прямо по указанію Ришелье.

Въ 1633 году въ Лудюнъ пріѣхалъ Жанъ Лобардемонъ, довѣренный человѣкъ кардинала Ришелье. Это былъ безсердечный, безсовѣстный и низкій тиранъ, котораго Ришелье выпускалъ на своихъ вра-

говъ, когда надо было дѣйствовать слишкомъ беззастѣнчиво. Какъ бульдогъ, Лобардемонъ обладалъ мертвой хваткой и уже не выпускалъ тѣхъ, въ кого вцѣплялся.

Послѣ его отъѣзда изъ Лудюна лѣтомъ 1633 года въ монастырѣ урсулинокъ, гдѣ у него были двѣ родственницы, снова началось бѣснованіе, и монахини снова стали яростно обвинять Грандые.

Тогда Ришелье немедленно опять отправилъ Лобардемона въ Лудюнъ, но на этотъ разъ уже съ миссіей разсмотрѣть дѣло Урбана Грандые, при чемъ Людовикъ XIII, бывший вполнѣ въ рукахъ Ришелье, далъ Лобардемону противозаконныя полномочія окончательно и безапелляціонно рѣшить это дѣло, несмотря на всякій протестъ и отводы со стороны Грандые.

Прибывъ въ Лудюнъ въ декабрѣ 1633 года, Лобардемонъ арестовалъ Грандые, не пожелавшаго несмотря на предупрежденія спастись бѣгствомъ, и приступилъ къ слѣдствію.

Прежде всего онъ приказалъ прочитать въ церквахъ изложеніе обвиненій противъ Грандые съ приказомъ всякому донести на Грандые, что онъ знаетъ о немъ дурного.

Выслушавъ много свидѣтелей касательно вообще жизни и нравовъ Грандые, Лобардемонъ однако отказался заносить въ протоколъ благопріятныя для Грандые показанія.

Мать Грандые Jeanne d'Estièvre подавала нѣсколько разъ протесты противъ такой юстиціи, указывая на то, что свидѣтельства противъ Грандые вымогались угрозами и подкупомъ, и требуя отвода Лобардемона, какъ родственника двухъ монахинь урсулинокъ. Но

сначала Лобардемонъ оставлялъ эти протесты безъ отвѣта, а когда одинъ изъ нихъ былъ ему переданъ черезъ судъ (Parlement), то онъ просто разорвалъ этотъ актъ и подъ страхомъ наказанія запретилъ передавать ему такія бумаги.

За другую просьбу, поданную Жюанной д'Этиевръ Лобардемону, послѣдній приказалъ побить адвоката, писавшаго просьбу, дабы онъ болѣе не мѣшался въ это дѣло.

Мать Грандье обратилась было въ Парижскій судъ (Parlement), но Ришелье добился указа Государственнаго Совѣта (Conseil d'état) о недействительности этой аппеляціи и о запрещеніи Парламенту Парижа или другимъ судамъ заниматься этимъ дѣломъ, какъ окончательно переданнымъ въ руки Лобардемона.

Такъ какъ Грандье никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ урсулинками, то онъ просилъ, съ цѣлью вывести ихъ на чистую воду, чтобы имъ представили подъ его именемъ кого-нибудь другого, но Лобардемонъ понятно отказалъ ему въ этомъ.

Поэтому, когда Грандье былъ выведенъ на очную ставку съ монахищами, то тѣ заявили, что признаютъ его, и что онъ является къ нимъ по ночамъ, возбуждая въ нихъ сладострастіе.

Между тѣмъ теперь въ монастырь урсулинокъ были пазначены новые экзорцисты, а именно капуцины Лактансъ и Транкиль, въ которыхъ Лобардемонъ былъ вполнѣ увѣренъ. Ришелье выдавалъ этимъ экзорцистамъ крупное содержаніе и они старались его заслужить, возбуждая монахишь противъ Грандье.

Эти экзорцисты провозгласили съ церковныхъ кафедръ, что дьяволъ подъ вліяніемъ заклинаній

долженъ говорить правду и можетъ считаться досто-
вѣрнымъ свидѣтелемъ, а потому-де Грандье, обви-
няемый одержащими монахинь бѣсами, несомнѣнно
виновенъ.

Но такія доктрины и вся процедура возбудили
крайнее волненіе въ городѣ, гдѣ послѣ этого никто
не могъ считать себя въ безопасности.

Поэтому нотабли устроили собраніе въ муниципіи
и рѣшили отправить жалобу самому королю. Въ этой
жалобѣ они указали, что такъ какъ судъ основыва-
ется нынѣ на показаніяхъ дьявола, а послѣдній
естественно ненавидитъ честныхъ и хорошихъ людей, то
такая процедура особенно опасна именно для лучшихъ
людей.

Но Людовикъ XIII отказался даже принять бальи,
привезшаго ему эту жалобу, а въ то же время Лобар-
демонъ издалъ приказъ, уничтожающій рѣшеніе но-
таблей въ муниципіи и запретилъ имъ впредь соби-
раться и предпринимать что-либо по этому дѣлу подъ
страхомъ 10.000 ливровъ штрафа и болѣе.

Очевидно, что съ этого момента Грандье былъ
уже приговоренъ къ смерти и Лобардемону оставалось
только на свободѣ подстроить всѣ необходимыя по
закону формальности.

На заклинаніяхъ 26 февраля 1634 года настоятель-
ница Жанна заявила, что на тѣлѣ Грандье были
стигматы дьявола.

Послѣ этого его подвергли мучительной операціи
отысканія стигмата, и фельдшеръ Манури лишь для
вида нажимая на его тѣло пальцемъ заявилъ, что
нашелъ два стигмата въ наиболѣе секретныхъ мѣстахъ
тѣла. Доктора, бывшіе при этомъ, дали рапортъ о

мошенничествѣ Манури, но Лобардемонъ уничтожилъ этотъ рапортъ и принялъ во вниманіе только протоколъ, подписанный фельдшеромъ Манури и однимъ аптекаремъ.

Бѣснованія и заклинанія продолжались между тѣмъ своимъ чередомъ и заклинанія часто устраивались публично въ церквахъ для поученія собравшагося народа.

Впрочемъ тутъ не обходилось безъ комическихъ сценъ. Однажды монахъ Го изъ Тура заклиналъ одну монахиню, но такъ какъ дѣло затянулось, то о. Лактансъ вскричалъ, что Го ничего не понимаетъ въ заклинаніяхъ. Го отвѣтилъ ругательствами, Лактансъ также и наконецъ Лактансъ въ ярости приказалъ бѣсу, сидящему въ монахинѣ, дать Го двѣ оплеухи, что тотъ немедленно и исполнилъ, явно признавъ такимъ образомъ превосходство Лактанса и его власть надъ собой.

Другой разъ бѣсъ среди всякой чепухи заявилъ устами одной изъ монахинь, что жена Лобардемона ставить ему рога.

Это показаніе дьявола, признаваемаго, какъ мы говорили, достовѣрнымъ свидѣтелемъ, было подобно всѣмъ рѣчамъ бѣсноватыхъ занесено въ протоколъ, и Лобардемонъ скрѣпилъ его своей подписью, написавъ внизу страницы: «я свидѣтельствую, что это правда» (*j'atteste que c'est vrai*).

Впрочемъ смѣяться никому не приходило въ голову, ибо Лобардемонъ развѣсилъ объявленія, въ коихъ угрожалъ жестокими наказаніями за насмѣшки надъ экзорцистами или надъ монахинями.

Несомнѣнно, что многія монахини и особенно Жанна Бельсіель, помимо настоящихъ истерическихъ

припадковъ, часто просто притворялись и дѣйствовали по предварительному уговору съ Лобардемономъ.

28-го апрѣля экзорцисты приказали бѣсу Асмодею, который сидѣлъ въ Жаннѣ де-Бельсіель принести подлинный актъ, коимъ Грандье продалъ свою душу дьяволу.

Асмодей отвѣчалъ, что актъ этотъ находится въ аду въ кабинетѣ Люцифера и что онъ можетъ доставить его только на слѣдующій день. И дѣйствительно, въ назначенный часъ Асмодей передалъ Лобардемону рукой госпожи Бельсіель слѣдующій поразительный актъ.

«Господинъ властитель! я признаю васъ моимъ богомъ и обѣщаю служить вамъ до конца жизни. Теперь я отрекаюсь отъ всѣхъ другихъ: отъ Иисуса Христа, отъ Маріи и отъ всѣхъ святыхъ на небѣ и отъ католической апостольской римской церкви и отъ ея ученія и отъ молитвъ за меня.

Я обѣщаю поклоняться вамъ по крайней мѣрѣ три раза въ день и дѣлать столько зла, сколько смогу, и соблазнить всякаго, кого можно, и отъ всего сердца я отрекаюсь отъ крещенія и отъ заслугъ Иисуса Христа и на случай, если-бы я хотѣлъ раскаяться, я даю вамъ мое тѣло и душу, и мою жизнь, какъ-бы я получилъ ихъ отъ васъ, такъ какъ я навсегда и безъ раскаянія уступаю ихъ вамъ.

Подписано тако: Урбанъ Грандье своей кровью.

Но этого было мало. 19-го мая Жанна де-Бельсіель представила письмо самого Асмодея, въ которомъ этотъ дьяволъ со многими грамматическими ошибками писалъ, что завтра 20 мая въ 6 час. пополудни онъ и его товарищъ Грезиль и Аманъ выйдутъ изъ тѣла

Жанна, оставивъ въ знакъ своего выхода три небольшіе надрѣза подъ лѣвой грудью на тѣлѣ и на рубашкѣ. Подписалъ Асмодей.

Лобардемонъ, будучи увѣренъ въ своемъ чудѣ, пригласилъ на него всѣхъ потаблей и объявилъ о немъ народу.

Около 6 час. Жанну привели въ торжественной процессіи въ церковь Св. Креста, гдѣ собралась масса народу.

Хотя бывшіе здѣсь доктора Дунканъ и Килье требовали, чтобы Жаннѣ связали руки, но Лобардемонъ нашелъ это излишнимъ и приказалъ немедленно приступить къ заклинаніямъ.

Жанна стала тогда корчиться въ конвульсіяхъ, а затѣмъ легла на лѣвый бокъ и черезъ нѣкоторое время стала стонать.

Ее осмотрѣли и нашли подъ лѣвой грудью три небольшія ранки.

Лобардемонъ и егѣ приверженцы стали тогда восхвалять чудо; одинъ изъ присутствующихъ осмѣлился было сказать, что онъ видѣлъ въ рукѣ Жанны ножикъ, коимъ она сама себя ранила, но его заставили замолчать.

Лобардемонъ потребовалъ отъ врачей, чтобы въ своемъ рапортѣ они признали наличность чуда. Двое изъ нихъ Дунканъ и Килье позволили себѣ смѣяться надъ этимъ чудомъ, но затѣмъ должны были бѣжать изъ Лудюна, такъ какъ Лобардемонъ успѣшилъ дать приказъ объ ихъ арестѣ.

23-го іюня въ ту же церковь св. Креста были приведены и Грандье, и бѣсноватыя монахины. Сначала Лобардемонъ предъявилъ Грандье 2 комочка

изъ волосъ, крови и пепла, клочокъ бумаги, гусиное перо и пять соломинокъ и потребоваль, чтобы Грандье объяснился по поводу этихъ предметовъ, ибо по словамъ бѣсовъ, это—талисманы для колдовства и знаки договора Грандье съ дьяволомъ.

Обвиняемый отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ объ этихъ предметахъ.

Тогда ему предложено было самому приступить къ заклинанію монахинь. Грандье надѣлъ епитрахиль и приступилъ къ экзорцизму. Но тутъ монахици превратились въ пастоящихъ фурій. Онѣ стали поносить Грандье, бросали въ него туфлями и кидались на него, дабы растерзать его, такъ что ихъ еле удерживали. Онѣ кричали, якобы отъ имени бѣсовъ, что Грандье ихъ начальникъ, при чемъ Жанна де-Бельсиль превосходила всѣхъ яростью и цинизмомъ.

Грандье оставался спокойнымъ и молил Бога доказать его невинность.

Обращаясь къ настоятельницѣ, Грандье задалъ ей вопросъ по-гречески, ибо по общепринятому мнѣнію одержимыя бѣсомъ могли говорить на всѣхъ языкахъ.

Но Жанна отъ имени бѣса отвѣчала ему по-французски. Ахъ, какъ ты хитеръ! Ты вѣдь знаешь, что первый пунктъ нашего договора это не отвѣчать по гречески.

Такъ какъ смятеніе и ярость монахинь дошли до крайнихъ предѣловъ, и такъ какъ эти фуріи дѣйствительно растерзали бы Грандье на части, то сцену эту пришлось прекратить и Грандье былъ снова отвѣденъ въ тюрьму.

Но вскорѣ послѣ этого случая нѣкоторыхъ монахинь и въ томъ числѣ Жанну Бельсиель охватило раскаяніе.

Онѣ въ церкви публично признали, что Грандье невиненъ, и что ихъ обвиненія—ложны, и Жанна въ одной рубашкѣ съ веревкой на шеѣ и со свѣчей въ рукахъ, въ знакъ раскаянія, явилась къ Лобардемону и со слезами признавъ, что она все выдумывала на Грандье, бросилась въ садъ и пыталась повѣситься на деревѣ, но была спасена другими сестрами...

Лобардемонъ не потерялся. Онъ объявилъ, что это новая выходка дьявола, который теперь пытается ложью спасти своего вѣрнаго слугу Грандье.

Итакъ, когда дьяволь говорилъ противъ Грандье, то онъ не могъ лгать, а когда за Грандье, то это была очевидная ложь. Тутъ не хватало логики, но Лобардемонъ о ней не заботился.

Монахинь-же подвергли надлежащему внушенію и скоро онѣ попрежнему стали взводить на Грандье всякія безсмыслицы.

8-го іюля Лобардемонъ наконецъ выбралъ 12 подходящихъ людей, дабы подъ своимъ председательствомъ судить Грандье. При этомъ онъ однако объяснилъ судьямъ, что если они вздумаютъ давать голосъ за оправданіе, то будутъ признаны сообщниками Грандье и изъ судей легко могутъ обратиться въ обвиняемыхъ.

18 августа 1634 года въ 5 час. утра этотъ судъ, даже не вызывая Грандье, призналъ его виновнымъ въ колдовствѣ и въ навожденіи бѣсовъ на урсулинокъ и приговорилъ его къ сожженію на кострѣ и процессы о колдовствѣ.

къ предварительной пыткѣ обыкновенной и чрезвычайной, дабы узнать имена его сообщниковъ.

Лобардемонъ немедленно отправилъ въ тюрьму фельдшера Фурно съ приказомъ обрить у Грандые всѣ волосы на тѣлѣ и срѣзать ему ногти, подѣ которыми иногда скрывается-де талисманъ молчанія. Однако фельдшеръ не исполнилъ послѣдней части приказанія.

Затѣмъ въ 9 час. Грандые былъ приведенъ въ засѣданіе суда, куда въ то время впустили и много любопытныхъ.

Грандые спокойно выслушалъ чтеніе приговора, къ которому онъ уже давно былъ приготовленъ, и въ трогательныхъ выраженіяхъ безо всякаго раздраженія противъ судей заявилъ, что онъ никогда не занимался колдовствомъ, что онъ отрекается отъ дьявола и умоляетъ Бога, чтобы кровь, пролитая Іисусомъ Христомъ послужила ему во спасеніе. Онъ просилъ судей умѣрить жестокость его мученій, но прибавилъ, что надѣется твердостью въ мукахъ искупить грѣхи своей прежней жизни.

Эти слова произвели такое впечатлѣніе на присутствующихъ и даже на судей, что Лобардемонъ успѣшилъ удалить публику:

Затѣмъ Лобардемонъ предложилъ Грандые подписаться уже на готовомъ признаніи въ колдовствѣ, аналогичномъ вѣроятно исповѣди Гоффриди, но несмотря на всѣ угрозы и обѣщанія, Грандые рѣшительно отказался это сдѣлать. Напрасно судьи, желая успокоить свою совѣсть, убѣждали Грандые сознаться, говоря, что разъ они всѣ единогласно признали его виновнымъ, то очевидно они не ошиблись.

Отсюда Грандье немедленно перевели въ комнату пытки. Тщетно онъ просилъ послать ему одного изъ двухъ выбранныхъ имъ священниковъ для исповѣди. Ему дали лишь $\frac{1}{4}$ часа для молитвы.

Молитва эта была услышана и записана г. Обенъ, помощникомъ начальника полиціи (M-g Aubin lieutenant du prévôt).

Въ этой молитвѣ Грандье просилъ у Бога отпущенія грѣховъ и помощи для перенесенія страданій.

Въ заключеніе онъ просилъ Бога простить его врагамъ и обвинителямъ и оставлялъ на Его попеченіи свою мать.

Едва онъ окончилъ молитву, какъ палачи уже схватили его и приступили къ пыткамъ испанскихъ сапоговъ (brodequins). Растянувъ его на спинѣ они привязали къ его ногамъ по двѣ доски снаружи и внутри и стянули доски веревками оставивъ лишь небольшія дырки между оборотами веревки. Въ эти дырки они стали вгонять клинья ударами молотка. Кости Грандье скоро были раздроблены и на минуту онъ лишился чувствъ. Изъ 8 клиньевъ оставалось вбить еще четыре и палачъ показалъ ихъ Грандье, «Вы можете принести еще цѣлую охапку, мой другъ» кротко сказалъ пытаемый!

Вопросъ о несуществующихъ сообщникахъ Грандье понятнo никого не интересовалъ, но бывшіе при пыткахъ экзорцисты Лактансъ и Транкиль все старались добиться отъ него признанія, обѣщая ему уменьшеніе мученій. «Dicas, Dicas» (сознайся) въ ярости кричалъ ему монахъ Лактансъ подъ аккомпанементъ ударовъ молотка.

Думаете ли вы, отвѣчалъ Грандье этимъ бѣсноватымъ, что человѣку позволено ложно сознаться въ преступленіи, чтобы избавиться отъ боли?

Приведенные въ бѣшенство стойкостью Грандье монахи схватили два оставшіеся клина и стали сами вбивать ихъ съ такой яростью, что ноги мученика обратились въ настоящую кашу.

Но Грандье не произносилъ ни слова упрека ни судьямъ, ни своимъ мучителямъ и только молился.

Пытка продолжалась $\frac{3}{4}$ часа. Затѣмъ Грандье уложили на солому и въ полдень дали ему немного пищи.

Въ 4 часа его одѣли въ пропитанную сѣрой рубашку «Sambenito» и на телѣгѣ, такъ какъ самъ онъ не могъ двигаться, повезли на мѣсто казни.

Передъ церковью Св. Петра, гдѣ Грандье былъ священникомъ и передъ монастыремъ урсулинокъ, процессія остановилась и Грандье вынули изъ телѣги и поставили на колѣни, дабы онъ и здѣсь выслушалъ чтеніе приговора. Но не будучи въ состояніи держаться на разможженныхъ ногахъ, Грандье упалъ лицомъ на землю и такъ лежалъ, пока его снова не положили на телѣгу.

На площади Св. Креста былъ воздвигнутъ костеръ, на которомъ былъ поставленъ столбъ съ желѣзнымъ сидѣніемъ посрединѣ. На этомъ сидѣніи привязали Грандье, и милосердные монахи Лактансъ и Транкиль, не будучи въ состояніи дожидаться палачей, сами подожгли костеръ.

Грандье было обѣщано, что когда огонь займется, то палачъ задушитъ его, затянувъ веревку, привязывающую его шею къ столбу, но монахи сдѣлали на

этой веревкѣ узлы, и палачъ не могъ стянуть ее, такъ что Грандье сторѣлъ живымъ.

Среди дыма и пламени костра многочисленная толпа слышала, какъ Грандье взывалъ: *Deus, Deus meus ad te de luce vigilo* (псаломъ 62-й) и *misereere mei Deus*.

Послѣднія слова его были: Боже, прости моихъ врагамъ.

По рассказамъ очевидцевъ все это время надъ костромъ кружилась группа голубей, улетѣвшая лишь, когда Грандье испустилъ послѣдній вздохъ.

Такъ какъ согласно теологамъ того времени, дьяволъ можетъ принимать всѣ звѣриныя формы за исключеніемъ агнца и голубя, являющихся символами Сына Божія и св. Духа, то монахи, дабы ослабить впечатлѣніе, произведенное въ народѣ появленіемъ голубей, выдумали, будто они видѣли, какъ около головы Грандье кружилась большая черная муха (которую, понятно, толпѣ легко было проглядѣть) видимо-де бывшая дьяволомъ, явившимся за душой колдуна.

Мать Урбана Грандье, всѣ усилія которой вырвать своего сына изъ рукъ Лобардемона остались тщетными, провела все это утро на колѣняхъ передъ статуей Божьей Матери въ церкви Кордельеровъ, и умоляла Св. Дѣву заступиться передъ Своимъ Сыномъ Христомъ за ея сына, мучимаго палачами.

Задыхаясь отъ рыданій, она наконецъ упала въ обморокъ. Здѣсь ее нашелъ одинъ монахъ кордельеръ и, приведя въ чувство, отвелъ въ часовню *Notre Dame de Lorette*, гдѣ отслужилъ за Грандье литургію «страсти».

Процессомъ Гранде мы закончимъ изложеніе процессовъ колдовства. Во всѣхъ нихъ насъ поражаетъ не только возмутительное безмысліе разсужденій судей, но также поразительная жестокость, которую они проявляли во имя Христа, дѣлая изъ религій милосердія и любви--религію, достойную того самого дьявола, котораго они такъ усердно преслѣдовали.

С. Т.

18

Цѣна 50 коп.

19